

Тряпичная кукла

Автор:

[Дэниел Коул](#)

Тряпичная кукла

Дэниел Коул

Мастера саспенса

Лондон взбудоражен жестоким преступлением – в одной из квартир в центре города обнаружена страшная «кукла», сшитая из частей человеческих тел. Журналисты уже окрестили садиста Тряпичной куклой. Но на этом он не останавливается и дразнит полицию, обнародовав список своих будущих жертв и точные даты их смерти. Поймать психопата берется Вильям «Волк» Лейтон-Коукс, детектив со скандальной биографией. Сможет ли он предотвратить гибель несчастных из списка Тряпичной куклы, когда весь мир следит за каждым его шагом? И почему сам детектив находится в этом списке?

Дэниел Коул

Тряпичная кукла

Daniel Cole

Ragdoll

Copyright © Daniel Cole 2017

© Липка В., перевод, 2017

* * *

Какое мне дело до того, что ты дьявол?

Пролог

Понедельник, 24 мая 2010 года

Саманта Бойд поднырнула под хлипкое полицейское ограждение и подняла глаза на статую Правосудия, возвышавшуюся над печально известным лондонским судом Олд Бейли. Хотя та, по замыслу, должна была символизировать силу и справедливость, сегодня женщина увидела ее в истинном виде – в облике отчаявшейся и растерявшей все иллюзии дамы, готовой в любое мгновение сверзиться с крыши вниз на мостовую. Повязки на глазах, в отличие от сестер по всему миру, у нее, естественно, не было, ведь когда речь заходит о таких проблемах, как расизм и коррупция в правоохранительных органах, «слепое правосудие» превращается лишь в концепцию для наивных простаков.

Из-за толпы журналистов, которые наводнили центр Лондона и обосновались так прочно, что даже превратили его в абсурдные трущобы для представителей среднего класса, все прилегающие улицы и станции метро вновь были закрыты. С усеянного мусором асфальта гордо взирали упаковки из-под продуктов с логотипами «Маркс и Спенсер» и «Прет-а-Манже». Под жужжание электробритв убирались спальные мешки от знаменитых дизайнеров; дрянной дорожный утюг в руках какого-то парня напрочь отказывался скрывать тот факт, что его владелец спал в рубашке и галстук, имевшихся у него в одном-единственном экземпляре.

Продираясь сквозь толпу, Саманта нервничала. После шести минут ходьбы от станции «Ченсери Лейн» у нее на лбу выступила испарина, а прядь платиновых волос выбилась в том самом месте, где она ее до этого заколола в тщетной попытке изменить внешность. Всех причастных к судебному процессу пресса установила с самого начала. Сегодня, на сорок пятый день разбирательства, портреты Саманты успели облететь все крупнейшие газеты мира. Ей даже как-то пришлось вызывать полицию, когда один особенно настырный репортер проследил за ней до самого дома в Кливленде, никак не реагируя на ее попытки от него отвязаться. Твердо решив больше не привлекать к себе ненужного внимания, женщина шагала, глядя прямо перед собой и не поднимая головы.

Вдоль Ньюгейт-стрит выстроились две очереди, одна упиралась в ряд биотуалетов, явно не способных удовлетворить потребности всех нуждающихся, другая в мигающую неоновой вывеской кофейню «Старбакс». Вырвавшись из водоворота, бурлящего меж этих двух полюсов, Саманта двинулась в сторону полицейских, охранявших вход в залы судебных заседаний. Когда она случайно оказалась в поле зрения одной из телекамер, десятками ведущих репортаж с места событий, на нее набросилась небольшого роста журналистка и злобно что-то выкрикнула по-японски.

«Последний день», – напомнила себе Саманта, оставляя в кильватере за собой поток совершенно непонятной брани. Каких-то восемь часов и ее жизнь вернется в нормальное русло.

У двери незнакомый полицейский тщательно изучил ее удостоверение личности и подверг процедуре, теперь хорошо ей знакомой: запереть в специальном ящичке личные вещи; в ответ на реакцию металлодетектора объяснить, что она физически не может снять обручальное кольцо; подосадовать про себя на пятна пота во время обыска, а затем пройти по безликому коридору и присоединиться к другим одиннадцати присяжным за чашечкой чуть теплого растворимого кофе.

Из-за беспрецедентного внимания к процессу мировых средств массовой информации и инцидента у дома Саманты присяжных было решено поселить под охраной в одном месте, что немедленно вызвало гнев общества, потому как выставляемые отелом счета обходились налогоплательщикам в десятки тысяч фунтов стерлингов. Раньше по утрам они говорили на разные темы, но теперь после двух месяцев слушаний каждый из них в основном жаловался на однообразие вечернего меню в ресторане, на спину, болевшую после проведенной в гостиничной постели ночи, и сетовал на отсутствие жены, мужа,

детей или заключительного сезона сериала «Остаться в живых» – кому чего не хватало.

Когда судебный пристав наконец пришел за членами жюри, напряженная тишина, скрываемая невинной болтовней, вырвалась на волю. Старшина присяжных, пожилой человек по имени Стэнли, которого остальные назначили на эту должность только по причине поразительного сходства с Гэндальфом, медленно встал и вышел из комнаты. За ним потянулись и другие.

В Олд Бейли, суде номер один, известном во всем мире, слушались только уголовные дела первостепенной важности. Здесь со скамьи подсудимых отвечали за свои жуткие грехи такие зловещие знаменитости, как Криппен[1 - Хоули Харви Криппен (1862–1910) – американский врач, ставший фигурантом одного из самых громких убийств в криминалистике XX века. Первый преступник, задержанный благодаря радиосвязи.], Сатклифф[2 - Питер Сатклифф (род. в 1946) – британский серийный убийца, за пять лет лишивший жизни 13 проституток.] и Деннис Нильсен[3 - Деннис Нильсен (род. в 1945) – британский серийный убийца, на счету которого 15 жертв.]. Через огромное, забранное матовым стеклом окно над головой помещение заливал искусственный свет, озаряя собой темные деревянные панели и зеленую кожаную обивку.

Заняв привычное место в первом ряду, ближе всех к скамье подсудимых, Саманта вдруг поняла, что белое платье, сшитое ею самой, немного коротковато. Она положила на колени папку с делом, к большому неудовольствию похотливого старика, старшины жюри, который в первый день слушаний чуть не растоптал соседа, желая непременно устроиться рядом с ней.

В отличие от залов судебных заседаний, воспетых в американских фильмах, где элегантно одетому обвиняемому полагается восседать за одним столом с защитниками, в Олд Бейли подсудимый сидел перед грозной аудиторией в полном одиночестве. Невысокие, но толстые стеклянные перегородки, окружавшие его возвышение, еще раз подчеркивали, что человек, оказавшийся внутри, представляет для остальных большую опасность.

Что он виновен – пока не доказана его невиновность.

Прямо напротив скамьи подсудимых, слева от Саманты, сидели судьи. Над креслом в центре зала – единственным, которое за время всего разбирательства оставалось свободным, – на фоне герба королевства висел меч с золоченой рукоятью. Судебные секретари, обвинение и защита располагались в центре; галерка для публики у дальней стены была битком набита экзальтированными зрителями с осоловевшими от недосыпа глазами, которым, чтобы заполучить места и стать свидетелями окончания этого умопомрачительного процесса, пришлось на ночь разбить лагерь у входа в Олд Бейли. В глубине зала, на забытых Богом местах под галеркой, сидел разномастный мелкий люд, так или иначе причастный к процессу: эксперты, мнение которых адвокатам могло понадобиться, а может и нет; судебные клерки; ну и, конечно, полицейский, арестовавший подозреваемого, – детектив по прозвищу Волк, Вильям Оливер Лейтон-Коукс, восседавший в самом центре всего этого пестрого сборища.

Волк присутствовал в зале суда все сорок шесть дней и провел несметное количество часов, глядя на скамью подсудимых со своего незаметного места у выхода. Крепко сбитый, с обветренным лицом и темно-синими глазами, он выглядел лет на сорок, может, чуть больше. Саманта подумала, что детектива вполне можно было бы назвать привлекательным, если бы он не производил впечатление человека, не спавшего несколько месяцев и несшего на своих плечах тяжкое бремя окружающего мира. Хотя, если по правде, так оно и было.

Киллер-Крематор, как его окрестила пресса, стал самым кровожадным серийным убийцей за всю историю Лондона. Двадцать семь жертв за двадцать семь дней, все проститутки в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет. Огромный интерес к этому делу, помимо прочего, обуславливался еще и тем, что оно открыло плохо информированным массам глаза на суровую действительность, творящуюся у них прямо под носом, на тех самых улицах, где они живут. Большинство пострадавших были найдены еще тлевыми – он накачивал их транквилизаторами и сжигал живьем, при этом огонь уничтожал практически все мыслимые улики. А потом злодеяния вдруг резко прекратились. В отсутствие подозреваемых полиция терялась в догадках. Все время, пока длилось расследование, на нее обрушивался шквал критики – за бездействие и неспособность пресечь гибель подростков, но когда с момента последнего убийства прошло восемнадцать дней, детектив Волк заключил преступника под стражу.

Мужчину на скамье подсудимых звали Нагиб Халид. Англичанин пакистанского происхождения и мусульманин-суннит, он работал в Лондоне таксистом. Жил

один и в прошлом уже фигурировал в деле о поджоге. Когда в суд поступили результаты анализов ДНК, подтвердившие, что он подвозил трех жертв на заднем сиденье своего автомобиля, и подкрепившие собой убийственные показания детектива Волка, дело показалось всем ясным и понятным. Но потом, на пятый день, стало разваливаться.

Всплыли алиби, опровергающие данные наблюдения, собранные Волком и его командой. Выяснилось, что во время следствия на Халида оказывали давление и запугивали. Противоречивые данные судебно-медицинских экспертиз привели к тому, что обгоревшие образцы ДНК исключили из списка неопровержимых доказательств. В довершение всего руководитель Департамента внутренних расследований столичной полиции, приведя в совершеннейший восторг сторону защиты, разослал письмо, которое, помимо прочего, предложили и вниманию Саманты. В этом послании, написанном анонимным коллегой буквально за пару дней до последнего убийства, выражалась озабоченность душевным состоянием детектива Волка и его методами ведения расследования, а также высказывалось предположение, что он «отчаялся» и «помешался» на данном деле, поэтому начальству предлагалось его немедленно отстранить.

История, и без того одна из самых громких во всем мире, приобрела еще более скандальный характер. Полицию обвинили в том, что она, пытаясь скрыть собственные промахи, использовала Халида, оказавшегося под рукой, в качестве козла отпущения. И руководителя отдела расследования убийств, и его заместителя заставили подать в отставку, обвинив в вопиющей коррупции и злоупотреблении служебным положением, а таблоиды выплеснули на публику целый вал скандальных историй о впавшем в немилость детективе: из-за мнимых проблем с алкоголем и столь же мнимой склонности к агрессии у него развалился брак. На одном из этапов процесса элегантная адвокатесса обвиняемого даже предложила поменять Волка и ее клиента местами, за что тут же получила замечание. Сам Нагиб Халид наблюдал за разворачивавшимся вокруг цирковым представлением с глубочайшим изумлением. В глазах его можно было увидеть только одно – проблеск удовлетворения от того, что он из демона превратился в жертву.

Завершающий день судебного разбирательства прошел в полном соответствии с ожиданиями. Обвинение и защита выступили с последним словом, после чего председательствующий обратился к присяжным с краткой речью, подытожив скупые улики, все еще считавшиеся обоснованными и вескими, и призвав принимать во внимание хитросплетения закона. Тогда жюри извинилось перед

судом и удалилось для вынесения приговора в небольшую комнатку, расположенную за трибуной для дачи свидетельских показаний и неизменно отделанную все тем же деревом и зеленой кожей. Один час и пятнадцать минут двенадцать присяжных сидели за большим деревянным столом и спорили по поводу вердикта.

Решение о том, как она будет голосовать, Саманта приняла еще несколько недель назад и теперь была немало удивлена, видя, что мнения коллег разделились. Во время вынесения приговора она никогда не опиралась бы на общественное мнение, но при этом была рада, что ее голос не подольет масла в огонь всей этой шумихи, от которой теперь зависели ее магазин, доходы и благосостояние. Вновь и вновь повторялись одни и те же аргументы. Кто-то из присяжных вдруг заикнулся на показаниях детектива Коукса и вышел из себя, когда ему в сотый раз указали, что они носят недопустимый характер и поэтому их нельзя принимать во внимание.

Время от времени Стэнли призывал всех проголосовать, но после этого каждый раз передавал судье записку о том, что жюри никак не может прийти к единому мнению. С увеличением количества проголосовавших все больше членов под давлением большинства давали слабину, и когда до четырех часов оставалось всего несколько минут, вердикт был вынесен – десять человек проголосовали за, двое против. Стэнли сообщил об этом через пристава, который ушел и через десять минут явился вновь, чтобы проводить жюри обратно в зал судебных заседаний.

Возвращаясь на свое место рядом со скамьей подсудимых, Саманта ощущала каждый обращенный на нее взор. В помещении воцарилась тишина. Когда она шла по проходу, каждый шаг эхом раздавался по залу, и от этого ее охватило беспричинное смущение. К счастью, в следующее мгновение присяжные стали рассаживаться по местам, и на фоне поднятого ими шума ее замешательство показалось банальным и пустым. Женщина тут же успокоилась.

Она видела, что многие, не в силах совладать с нетерпением и дождаться официального оглашения приговора, пытаются по ее лицу прочесть, что решили присяжные, и это ее позабавило. Напыщенные жрецы Фемиды в мантиях и париках, которые всегда относились снисходительно к ней и другим членам жюри, теперь вдруг полностью оказались в их власти. Саманта подавила улыбку – она чувствовала себя как ребенок, посвященный в тайну, но не собирающийся ее никому раскрывать.

– Подсудимый, соблаговолите встать! – рявкнул в тишине судебный секретарь.

Нагиб Халид на скамье подсудимых неуверенно поднялся на ноги.

– Старшина присяжных, соблаговолите встать!

В конце того самого ряда, где сидела Саманта, встал Стэнли.

– Вы вынесли единодушный вердикт?

– Нет, – срывающимся, почти неслышным голосом ответил Стэнли.

– Вы вынесли вердикт, за который проголосовало необходимое большинство присяжных?

– Да... мне жаль... но... да. – Стэнли вздрогнул, путаясь в словах.

Секретарь повернулся и взглянул на председательствующего, который кивком дал понять, что принимает вердикт, проголосованный необходимым большинством.

– Прошу огласить приговор присяжных! Подсудимый Нагиб Халид виновен в совершении двадцати семи убийств?

Саманта вдруг затаила дыхание, хотя и заранее знала ответ. Несколько стульев в унисон скрипнули – те, кто на них сидел, потянулись вперед и внимательно прислушались в немом предвкушении.

– Нет, не виновен.

Саманта посмотрела на Халида. Реакция подсудимого ее буквально загипнотизировала. Он обхватил ладонями лицо и от облегчения задрожал с головы до ног.

В этот момент раздался первый панический вопль.

Детектив Волк перелетел небольшое расстояние, отделявшее его от скамьи подсудимых, перегнулся через стеклянную перегородку, схватил Халида за волосы и рванул на себя. Охранники ничего не успели сделать. Халид тяжело повалился на землю, его сдавленный крик в то же мгновение захлебнулся под диким напором полицейского. Под башмаками Волка хрустнули ребра, он стал молотить с двойной силой, обдирая в кровь костяшки пальцев.

Где-то завывала сирена тревоги.

Волк получил удар в лицо, почувствовал на губах кровь, отлетел назад, врезался в гущу присяжных и сбил с ног ближайшую к нему женщину. Чтобы встать, ему понадобилось несколько секунд, за это время пара охранников встали между ним и истерзанным телом, лежавшим у скамьи подсудимых.

Волк ринулся вперед, пошатнулся, почувствовал, как чьи-то сильные руки схватили его, бросили на колени и повалили на пол. Он с трудом глотнул воздуха, разбавленного запахами пота и мастики для натирания полов, и увидел, что дубинка одного из раненых охранников с глухим стуком ударилась о деревянную панель рядом с Халидом.

Тот, казалось, испустил дух, но Волку в этом нужно было убедиться.

С последним выбросом в кровь адреналина он сделал над собой усилие и пополз к безжизненному мужчине, забрызганному темно-коричневыми пятнами в тех местах, где ткань его дешевого синего костюма уже успела пропитаться кровью. Волк дотянулся до тяжелого оружия, схватился пальцами за холодный металл, занес дубинку над головой, но в этот момент получил сокрушительный удар и опрокинулся на спину. Полностью потеряв ориентацию в пространстве, он мог лишь смотреть, как охранник, стоявший на посту у скамьи подсудимых, с устрашающей силой врезал ему еще раз и раздробил запястье.

С момента вынесения оправдательного приговора едва прошло двадцать секунд, но Волк, услышав, как выпавшая из его рук дубинка ударилась о деревянный пол, уже знал, что все кончено. И только молил бога, чтобы сделанного им оказалось достаточно.

Люди с криками ринулись к выходу, но толпа полицейских тут же оттеснила их назад. Что до Саманты, то она просто ошарашенно сидела на полу и глядела

перед собой невидящими глазами, несмотря на бедлам, творившийся в нескольких метрах от нее. Наконец какая-то женщина схватила ее за руку, подняла, поставила на ноги и потащила к выходу. Она что-то кричала, но ее слова сознания Саманты не достигали. Мозг едва фиксировал состояние приглушенной тревоги. В холле она соскользнула на пол и почувствовала, что щека уперлась в коленку. Хотя боли не было, она упала навзничь на черно-белый пол из сицилийского мрамора и растерянно уставилась на богато украшенный купол в шестидесяти семи футах над головой: статуи, витражи и фрески.

Когда толпа пробежала мимо, спасительница вновь рывком подняла ее на ноги, подвела к выходу, до последнего времени неизменно закрытому, а сама ринулась обратно в зал судебных заседаний. Огромные деревянные двери и черные ворота были распахнуты, снаружи манило затянутое облаками небо. Оставшись одна, Саманта, пошатываясь, вышла на улицу.

Даже позируя, она не вышла бы на фотографии лучше: прекрасная раненая молодая женщина, член жюри присяжных, в белом, забрызганном кровью платье, под каменными скульптурами Духа, Истины и Писаря Божьего, грозного Ангела Метатрона, – облаченного в тяжелую накидку, символизирующего собой смерть, готового передать на небеса бесконечный список человеческих грехов.

Саманта повернулась спиной к толпе жадных до новостей журналистов и их слепящих осветительных приборов. В проблесках фотовспышек тысячи репортеров ей в глаза бросились слова, высеченные на камне высоко вверху на перемычке между четырьмя колоннами, которым будто судьбой было предназначено нести на себе их метафорический вес:

Защищать детей от бедности, наказывать преступников

Прочитав их, женщина испытала такое чувство, будто совершила ошибку. Разве могла она искренне сказать, что так же уверена в невинности Халида, как детектив Коукс уверен в обратном? Когда ее взгляд вновь случайно упал на каменного ангела в накидке, Саманта поняла, что внесла сегодня еще один пункт в перечень собственных грехов и ей только что определили наказание.

Четыре года спустя

Глава 1

Суббота, 28 июня 2014 года

3 часа 50 минут ночи

Волк попытался нащупать телефон, который вибрировал и пытался уползти от него по ламинированному полу. Темнота постепенно рассеялась и уступила место незнакомым очертаниям его новой квартиры. Когда он сполз с матраса и потянулся к трубке, мокрая от пота рубашка прилипла к телу. Он нажал кнопку ответа, назойливое жужжание прекратилось, и от этого стало немного легче.

– Волк, – сказал он, нащупывая на стене выключатель.

– Это Симмонс.

Он включил свет, а когда желтоватое неоновое сияние напомнило ему о суровой реальности, тяжело вздохнул – настолько жгучим было желание тут же его выключить. Его крохотная спальня состояла из четырех стен, выдавшего виды двойного матраса на полу и одинокой лампочки под потолком. В этой коробке, способной вызвать приступ клаустрофобии, было невыносимо душно и благодарить за это следовало домовладельца, до сих пор бегавшего за предыдущим нанимателем, который не вернул ему ключ от окна. Обычно в Лондоне жары не бывает, но Волку «посчастливилось» совместить переезд с одним из редких для Англии периодов зноя, продолжавшимся вот уже почти две недели.

– Только не говори, что ты рад, – сказал Симмонс.

– Который час? – зевнул Волк.

– Без десяти четыре.

– У меня выходной. Сегодня же суббота.

– Забудь. Я жду тебя на месте преступления.

– За рабочим столом? – полушутя спросил Волк, до этого ни разу не видевший, чтобы шеф покидал офис.

– Смешно. На этот раз я позволил себе немного проветриться.

– Что, совсем плохо, да?

На другом конце провода повисло молчание, потом Симмонс ответил:

– Дело дрянь. Ручка есть?

Волк порылся в одной из коробок, наваленных у двери, нашел шариковую ручку и приготовился писать на тыльной стороне ладони.

– Говори.

Уголкем глаза он заметил на кухонном шкафчике какое-то мерцание.

– Квартира сто восемь... – начал Симмонс.

Когда Волк вошел в крохотную, плохо оборудованную кухню, его буквально ослепило стробоскопическое голубоватое сияние, врывавшееся через небольшое окно.

– ...Тринити Тауэрс... – продолжал Симмонс.

Волк выглянул из окна, посмотрел вниз и увидел у многоэтажного дома напротив столпотворение полицейских автомобилей, журналистов и эвакуированных жителей.

– Хиббард-роуд, Кентиш-таун? – перебил его Волк.

– Хмм... Как, черт возьми, ты узнал?

– Я же детектив.

– В таком случае будешь подозреваемым номер один. Давай спускайся.

– Хорошо. Я только... – Волк умолк на полуслове, услышав, что Симмонс уже повесил трубку.

В промежутке между непрекращающимися проблесками полицейских маячков он увидел на стиральной машине постоянно горевший оранжевый огонек и вспомнил, что вечером, перед тем как ложиться спать, засунул в нее одежду, в которой обычно ходил на работу. После чего озадаченно оглядел нескончаемый ряд абсолютно одинаковых картонных коробок, выстроившихся вдоль стены.

– Твою мать...

* * *

Пять минут спустя Волк уже прокладывал путь в толпе собравшихся перед домом зевак. Он подошел к полицейскому и сунул ему под нос удостоверение личности, надеясь беспрепятственно миновать кордон, но юный констебль выхватил карточку из рук Волка, внимательно ее изучил и окинул скептическим взглядом импозантную фигуру в пляжных шортах и выцветшей футболке с надписью «'93 Bon Jovi: Keep the Faith».

– Детектив Лейтон-Коукс? – с сомнением в голосе спросил он.

– Да, детектив-сержант Коукс. – От звука своего претенциозного имени Волк вздрогнул.

– Тот самый Коукс... что устроил бойню в суде?

– Мое имя произносится «Вильям»... Вы позволите? – Волк махнул рукой на дом.

Парень отдал детективу удостоверение личности, поднял ленту ограждения и пропустил его.

– Вас проводить? – спросил он.

Волк посмотрел на свои цветастые шорты, голые коленки и парадные туфли.

– Да нет, думаю, я и сам дойду.

Полицейский ухмыльнулся.

– Четвертый этаж, – сказал он Волку, – поднимаясь вверх, будьте осторожны, район здесь полное дерьмо.

Волк еще раз тяжело вздохнул и пошел дальше, взмахнув над головой полицейской карточкой, хотя и сам не понимал, зачем ему понадобился этот жест. Миновав пропахший отбеливателем холл, он вошел в лифт. Кнопок второго и пятого этажей не хватало, остальные покрывало засохшее коричневое пятно. Призвав на помощь все свои дедуктивные способности, он определил, что это в равной степени может быть дерьмо, ржавчина и кока-кола, сунул руку под футболку и нажал кнопку, через ткань уткнувшись пальцем в лицо гитариста Ричи Самбора.

В свое время он перевидал сотни подобных, совершенно одинаковых лифтов: безликих железных коробок, устанавливаемых муниципалитетами по всей стране. Ни покрытий на полу, ни зеркал, ни фурнитуры, одни лишь лампочки, да и те забраны толстым стеклом. Что-то украсть или сломать в такой кабинке, делавшей жизнь неимущих обитателей дома чуточку богаче, было нельзя, поэтому они ограничивались лишь тем, что разрисовывали из распылителей стены всякими непристойностями. Перед тем как двери разъехались в стороны на четвертом этаже, Волк успел лишь прочесть, что Джонни Рэтклифф, с одной стороны, «педик», с другой – «магазинный воришка».

В притихшем коридоре скопилось человек десять. Большинство из них выглядели потрясенными и на прикид Волка смотрели с явным неодобрением. Исключение составил лишь мужчина с бейджиком эксперта – завидев детектива, он одобрительно кивнул и поднял вверх большой палец. Слабый, но знакомый

запах по мере приближения к открытой двери в конце холла становился все сильнее. Дух смерти. Его не спутаешь ни с чем другим, и те, кто с ним непосредственно сталкивается, быстро привыкают к этому смрадному букету из спертого воздуха, дерьма, мочи и разлагающейся плоти.

Волк уже собирался переступить порог, но в этот момент услышал звук приближавшихся шагов и отступил назад. В дверь выскочила молодая женщина в мундире коронера и упала на колени. Ее стошнило прямо на пол у его ног. Он стал вежливо дожидаться удобного момента, чтобы попросить ее посторониться, но в этот момент до его слуха донесся дробный стук каблучков. Детектив инстинктивно отпрянул назад и увидел, что в коридор выскользнула детектив-сержант Эмили Бакстер.

– Волк! Что это ты затаился? – прогрохотал в молчаливом коридоре ее голос. – Как тебе это нравится? Нет, я серьезно!

Она опустила глаза на полулежавшую между ними женщину, извергавшую на пол содержимое желудка.

– Вы не могли бы блевать где-нибудь в другом месте?

Женщина покорно отползла в сторону. Бакстер схватила Волка за руку и возбужденно потащила в квартиру. Почти на десять лет моложе его, Бакстер была с Волком примерно одного роста. В полумраке унылого холла ее темно-каштановые волосы стали черными. Обворожительные глаза, как всегда, были подведены черной тушью, что делало их поистине огромными. Одетая в приталенную блузку и элегантные брюки, женщина окинула его взглядом, в котором явственно проглядывало озорство.

– Мне не говорили, что сегодня можно вырядиться в штатское.

Волк решил не заглатывать наживку, по опыту зная, что если сохранять спокойствие, она быстро утратит интерес к его экстравагантному наряду.

– Чемберс страшно расстроится, что не увидел тебя в таком виде! – лучезарно заявила она.

– Я бы тоже с удовольствием поменял труп на круиз по Карибскому морю.

Огромные глаза Бакстер удивленно распахнулись:

– Разве Симмонс тебе ничего не сказал?

– А что он должен был мне сказать?

Она потащила его за собой через битком набитую полицейскими квартиру, освещенную тусклым светом дюжины расположенных в стратегических точках фонариков. Запах пока еще не стал всепоглощающим, но с каждым мгновением становился все сильнее и сильнее. Волк мог поклясться, что его тошнотворный источник был уже близко – об этом свидетельствовал рой мух, неистово жужжавших у него над головой.

Квартира отличалась высокими потолками и полным отсутствием мебели. Она была значительно больше той, где поселился Волк, хотя ничуть не симпатичнее. Пожелтевшие стены зияли дырами, из которых торчали ветхозаветного вида провода, голый пол покрывали пятна расплавленной изоляции. И ванная, и кухня выглядели так, будто в них не делали ремонт с 1960-х годов.

– Так что Симмонс мне не сказал? – вновь спросил он ее.

– Это целая история, Волк, – сказала Бакстер, – такое в жизни полицейского бывает только раз.

Детектив ее не слушал, мысленно определяя размеры второй спальни и задумываясь над тем, не содрали ли с него лишних денег за крохотную коробку в доме напротив, почему-то называемую квартирой. Они прошли в битком набитую гостиную, и Волк машинально стал рыскать глазами по полу, выискивая среди ног и всевозможного оборудования тело.

– Бакстер! – Женщина остановилась и нетерпеливо повернулась к нему.

– Чего Симмонс мне не сказал?

Несколько человек, сгрудившихся у нее за спиной у широкого окна от пола до потолка, отошли в сторону. Не успела она ответить, как Волк, будто споткнувшись, застыл на месте и устремил взор на единственный источник света, который находился в комнате еще до прихода полицейских: небольшой прожектор, освещающий темную сцену...

Обнаженное тело, скрючившееся в неестественной позе, казалось, парило в футе над заскорузлым полом. Виднелась только спина покойного, сам он, казалось, смотрел в огромное окно. Сотни практически невидимых нитей поддерживали фигуру в нужном положении, но для надежности ее еще закрепили двумя промышленными железными крючьями. Волку понадобилось некоторое время, чтобы определить самую жуткую деталь этой сюрреалистичной сцены: к белому туловищу была приставлена черная нога. Не в состоянии понять, что предстало его взору, он сделал еще пару шагов. Подойдя ближе, детектив заметил гигантских размеров стежки, удерживающие вместе разрозненные части тела: черную и белую мужские ноги; большую белую мужскую руку и загорелую женскую; спутанные иссиня-черные волосы, тревожно спадавшие на стройное, покрытое веснушками белое женское тело.

Бакстер вновь подошла к нему, явно смакуя выражение отвращения на его лице.

– Он не сказал... что тело у нас одно, а жертв шесть... – весело прошептала она ему на ухо.

Волк опустил глаза. Он стоял в том месте, куда гротескное тело отбрасывало тень. На полу диспропорции силуэта еще больше бросались в глаза, сочленения казались еще уродливее.

– Какого хрена здесь делают журналисты? – закричал Симмонс, не обращая ни к кому конкретно. – Клянусь честью, дыра, через которую в этом отделе утекает информация, вполне под стать пробоинам «Титаника». Увижу, что с газетчиками кто-то разговаривает, выгоню к чертовой матери.

Волк улыбнулся, прекрасно понимая, что Симмонс лишь играет роль строгого руководителя. Они были знакомы вот уже больше десяти лет и до истории с Халидом Волк даже считал его другом. На самом деле за личиной напускной бравады начальника скрывался умный, способный и внимательный офицер полиции.

– Коукс! – направился к ним Симмонс. Он был чуть ли не на фут ниже Волка, уже разменял шестой десяток и отрастил авторитетное брюшко. – Мне не говорили, что сегодня можно вырядиться в штатское.

Волк услышал, что Бакстер тихо захихикала, и решил прибегнуть к той же тактике, которой воспользовался в разговоре с ней, то есть не обращать внимания. Повисла неловкая пауза. Симмонс повернулся к Бакстер и спросил:

– Где Адамс? – спросил он.

– Кто?

– Адамс. Твой новый напарник.

– Может, Эдмундс?

– Ну хорошо. Эдмундс.

– А я откуда знаю?

– Эдмундс! – полетел по забитой людьми комнате крик Симмонса.

– У тебя новый напарник? – спокойно спросил Волк, не в состоянии скрыть в голосе нотку ревности, услышав которую, Бакстер улыбнулась.

– Я при нем нянька, – прошептала она. – Его перевели из отдела по борьбе с финансовыми преступлениями. На своем веку он видел не больше пары трупов и наверняка после этого плакал.

Молодому человеку, протолкавшемуся к ним через толпу, было лет двадцать пять, не больше. Стройный, как тополь, он выглядел бы безупречно, если бы не спутанные рыжеватые белокурые волосы. Парень держал в руке открытый блокнот и заискивающе улыбался начальнику.

– Что говорят эксперты? – спросил Симмонс.

Эдмундс пролистал несколько страниц.

– Элен заявила, что в квартире до сих пор не найдено ни капли крови. При этом криминалисты подтверждают, что части трупа принадлежат разным жертвам. Их варварски ампутировали, вероятно с помощью обычной ножовки по металлу.

– Чего-нибудь нового Элен не сообщила? – фыркнул Симмонс, брызгая слюной.

– Ну как же... Ввиду отсутствия крови и сокращения кровеносных сосудов в местах ампутации...

Симмонс закатил глаза и посмотрел на часы.

– Мы можем с уверенностью сказать, что конечности отрезали уже у трупов, – закончил молодой полицейский, явно довольный собой.

– С Эдмундсом в ее рядах полиция у нас работает на грани фантастики, – с сарказмом в голосе произнес Симмонс. И тут же заорал: – Может, ты сотрешь с лица эту идиотскую рекламную улыбку для безголовых, будто сошедшую с пакета для молока? Спасибо.

Эдмундс тут же погрузился. Волк перехватил взгляд Симмонса и про себя ухмыльнулся. В свое время они оба с лихвой натерпелись подобных оскорблений, входивших в обязательную программу подготовки полицейских.

– Я лишь хотел сказать, что кому бы ни принадлежали эти руки и ноги, их владельцы тоже мертвы, – смущенно пролепетал Эдмундс. – К более определенным выводам эксперты придут, когда обследуют трупы в лаборатории.

Волк увидел в темном окне отражение тела. Вспомнив, что он еще не видел его спереди, он обошел труп, желая наверстать упущенное.

– Что-нибудь узнала, Бакстер? – спросил Симмонс.

– Немного. Легкие повреждения замочной скважины, не исключено, что дверь вскрывали. Полицейские опрашивают соседей, но пока им не удалось найти

свидетелей, которые что-нибудь видели или слышали. Да, кстати, с электричеством в квартире полный порядок, просто кто-то вывернул все лампочки, за исключением той, что горит над жертвой. Такое ощущение, что нам хотели устроить демонстрацию... или шоу.

- Ну а ты, Волк? Мысли какие-нибудь есть? Волк!

Детектив отвлекся, заглядевшись на темнокожее лицо.

- Прошу прощения, тебе с нами, случаем, не скучно?

- Нет. Извини. Даже в такой жаре труп только-только начал пованивать, а это означает, что убийца либо прикончил всех шестерых минувшей ночью, что маловероятно, либо хранил тела в морозильнике.

- Согласен. Надо отправить кого-нибудь проверить все промышленные холодильники - в супермаркетах, ресторанах и прочих подобных заведениях, - сказал Симмонс.

- Не забудь поинтересоваться у соседей, не слышал ли кто звук дрели, - добавил Волк.

- Но ведь дрель - вещь совершенно обычная, - выпалил Эдмундс и тут же об этом пожалел, увидев обращенные на него три пары злобных глаз.

- Скорее всего, киллер готовил свой шедевр заранее, - продолжал Волк, - и поэтому не мог допустить, чтобы к моменту нашего появления конечности беспорядочно свисали с потолка или валялись бесформенной массой. Железные крючья вбиты в несущую конструкцию. Кто-нибудь должен был слышать грохот.

Симмонс согласно кивнул и приказал:

- Бакстер, пошли кого-нибудь, пусть поспрашивает.

- Босс, на минутку, - попросил Волк после того, как Бакстер и Эдмундс ушли. Он натянул одноразовые перчатки и отвел с жуткого лица прядь волос.

– Узнаешь?

Симмонс обошел труп, присоединился к Волку, стоявшему у окна, из которого веяло прохладой, и присел на корточки, пытаясь лучше разглядеть темнокожее лицо. Несколько мгновений помолчал и пожал плечами.

– Это же Халид, – сказал Волк.

– Не может быть!

– Присмотрись получше.

Симмонс бросил еще один взгляд на безжизненную физиономию трупа, и скептическое выражение на его лице постепенно сменилось глубокой озабоченностью.

– Бакстер! – закричал он. – Бери Адамса...

– Эдмундса.

– ...и поезжай в тюрьму Белмарш. Найдешь начальника и скажешь, что вам нужно срочно повидаться с Нагибом Халидом.

– С Халидом? – потрясенно переспросила Бакстер, машинально глянув на Волка.

– Да, детектив, с Халидом. Как только увидите с ним, сразу мне позвоните. Вперед!

Волк выглянул на улицу и поднял глаза на свою квартиру в доме напротив. Многие окна оставались темными, в других застыли возбужденные лица, снимающие происходящее внизу на мобильные телефоны в надежде запечатлеть что-нибудь ужасное, чтобы утром порадовать друзей. В тусклом свете увидеть сцену убийства было нельзя, в противном случае у подоконников выстроились бы целые ряды кресел.

Волк посмотрел на свои окна, расположенные парой этажей выше. В спешке он забыл выключить свет. Ему даже удалось разглядеть в самом низу кучи коробку

с надписью «Рубашки и брюки».

- Полное дерьмо!

Симмонс вновь подошел к Волку и потер усталые глаза. Они молча стояли по обе стороны подвешенного тела, глядя, как первые признаки рассвета оскверняют темное небо. Пение птиц пробивалось даже через стоявший в квартире гам.

- Что, увидел самую жуткую в своей жизни картину? - устало пошутил Симмонс.

- Почти, - ответил Волк, не сводя глаз со светлой полосы на темно-синем небосводе, которая становилась все больше и больше.

- Почти? Хочешь сказать, что в мире бывает что-то похуже?

Симмонс еще раз с отвращением посмотрел на свисавшее с потолка тело, составленное из разрозненных конечностей.

Волк слегка похлопал по вытянутой руке трупа. На фоне темной кожи и идеально покрашенных темно-красных ногтей ладонь казалась бледной. Кисть висела на нескольких десятках тонких шелковых ниточек, еще дюжина удерживала на месте указательный палец.

Коукс убедился, что их никто не слышит, нагнулся к Симмонсу и прошептал:

- Палец указывает на окно моей квартиры.

Глава 2

Суббота, 28 июня 2014 года,

4 часа 32 минуты утра

Бакстер оставила Эдмундса дожидаться разболтанный лифт, а сама ринулась вниз по пожарной лестнице, где бесконечной вереницей поднимались замерзшие, раздраженные люди, которым, наконец, разрешили вернуться домой. На полпути она вытащила удостоверение личности, рассудив, что если ничего не предпринять, то двигаться против плотного потока будет гораздо труднее. Первоначальное возбуждение, вызванное ночными событиями, вот уже несколько часов как прошло, и утомленные бессонной ночью жители дома испытывали по отношению к полиции лишь негодование и враждебность.

Когда она наконец ворвалась в вестибюль, Эдмундс уже спокойно дожидался ее у входной двери. Бакстер прошла мимо него и ступила на улицу, в прохладное утро. Солнце еще не взошло, но безоблачное небо над головой свидетельствовало, что зной и не собирается спадать. Эмили выругалась, увидев, что толпа журналистов и зевак, собравшихся у полицейского ограждения, всколыхнулась и отрезала ее от стоявшей на обочине «Ауди А1».

– Ни слова! – рявкнула она Эдмундсу, который с привычной элегантностью проигнорировал тон приказа, в данном случае совершенно излишнего.

Они подошли к ограждению, отделявшему их от лавины вопросов и вспышек фотокамер, поднырнули под ленту и стали пробираться сквозь толпу. Услышав, что Эдмундс у нее за спиной постоянно извиняется, Бакстер от злости до хруста сжала зубы. Повернувшись, чтобы уничтожить его взглядом, она вдруг наткнулась на коренастого детину с громоздкой телекамерой в руках и непроизвольно выбила у него ее из рук. Камера упала на мостовую с хрустом, стоившим не одну тысячу фунтов стерлингов.

– Черт... извините... – сказала она и отработанным до автоматизма жестом вытащила из кармана визитную карточку столичной полиции.

За годы службы она израсходовала их несколько тысяч, раздавая направо и налево, будто долговые расписки, и тут же забывая о посеянном ею хаосе.

Детина все еще стоял на коленях перед разбросанными по земле останками камеры с таким видом, будто потерял близкого человека. Карточку из пальцев Бакстер вырвала чья-то женская рука. Детектив подняла глаза и увидела уставившееся на нее злобное лицо. Несмотря на ранний час, журналистка была идеально загримирована для появления на экране телевизора. Мешки под

глазами, заметные на лицах у всех остальных, скрывались под толстым слоем румян. Высокая, с вьющимися рыжими волосами, в симпатичном, но строгом костюме из пиджака и юбки. Женщины в напряженном молчании уставились друг на друга. Эдмундс в ужасе взирал на происходящее. Ему и в голову не приходило, что наставница может так опешить.

Наконец Бакстер удалось надеть привычную маску равнодушия.

- Андреа.

- Эмили, - ответила женщина.

Бакстер повернулась к ней спиной, перешагнула через вывалившиеся на асфальт внутренности видеокамеры и зашагала дальше. Эдмундс не отставал ни на шаг. Перед тем как детектив завела двигатель, он трижды проверил, хорошо ли застегнут ремень безопасности. Машина резко сдала назад, ударилась о край тротуара, подпрыгнула и устремилась вперед, оставляя позади медленно уменьшавшиеся в зеркале заднего обзора синие огни проблесковых маячков.

* * *

С момента, когда они покинули место преступления, Бакстер не произнесла ни слова. Пока они неслись по пустынным улицам столицы, Эдмундс прилагал отчаянные усилия, чтобы не закрыть глаза. Обогреватель «Ауди» наполнял приятным теплом роскошный салон, который Бакстер захлмила компакт-дисками, наполовину использованными тубиками губной помады и коробочками от фастфуда. Когда они миновали мост Ватерлоо, за городом занялась заря, высветив на фоне золотистого неба невыразительный силуэт собора Сент-Пол.

Эдмундс все же уступил напору отяжелевших век, задремал, больно ударился об окно со стороны пассажирского сиденья, но тут же выпрямился, злясь на себя за то, что опять продемонстрировал слабость в присутствии старшего по званию полицейского.

- Значит, это был он? - выпалил парень.

Он отчаянно старался завести разговор, чтобы отогнать навалившуюся дрему.

– Кто?

– Коукс. Тот самый Вильям Коукс.

До этого Эдмундс видел Волка лишь несколько раз, и то мельком. И обратил внимание, что коллеги, общаясь с этим многоопытным детективом, ни на секунду не забывали об окружавшем этого человека ореоле знаменитости, который явно был ему неприятен.

– Да, тот самый Вильям Коукс, – тихо произнесла Бакстер.

– Мне не раз рассказывали о том, что тогда случилось. – Он сделал паузу, ожидая с ее стороны сигнала, что в эту тему углубляться не стоит. – Вы же на тот момент уже были с ним знакомы, да?

Бакстер молча вела машину с таким видом, будто Эдмундс был для нее пустым местом. Мысль о том, чтобы обсуждать столь значимый для нее вопрос со стажером, казалась ей глупой. Он уже собрался было достать из кармана телефон, чтобы чем-нибудь себя занять, как Эмили неожиданно ответила:

– Мы с ним были напарники.

– И он действительно совершил все то, в чем его потом обвинили?

Эдмундс знал, что ступил на скользкий путь, но желание прояснить этот вопрос перевешивало риск навлечь на себя гнев Бакстер.

– Подтасовка улик, нападение на обвиняемого...

– Не без того...

– Ничего себе... – помимо своей воли протянул Эдмундс, больно ударив по самолюбию Бакстер.

– Не смей его судить! – взорвалась она. – Ты понятия не имеешь, что представляет собой эта работа. Волк точно знал, что Халид и Киллер-Крематор –

одно и то же лицо. Знал, и все. А еще знал, что он вновь возьмется за свое.

- Но дело должно основываться на законных уликах.

Бакстер горько усмехнулась.

- Подожди пару лет и тогда сам увидишь, как эти куски дерьма каждый раз выходят сухими из воды. - Она на мгновение умолкла, чувствуя, что раздражается все больше и больше. - В нашем деле нельзя делить все на черное и белое. То, что сделал Волк, неправильно, но он поступил так от отчаяния и из самых лучших побуждений.

- Даже когда жестоко набросился на человека в битком набитом людьми зале судебных заседаний? - с вызовом в голосе спросил Эдмундс.

- Тогда особенно, - ответила Бакстер, слишком занятая своими мыслями, чтобы обращать внимание на его тон. - Он просто сломался, не выдержал давления. Когда-то все мы дадим слабину, и ты, и я, все. Нам остается лишь молиться, чтобы когда это произойдет, рядом были люди, готовые нас поддержать. Когда беда случилась с Волком, его не поддержал никто... даже я.

Эдмундс ничего не сказал, уловив в ее голосе сожаление, и стал ждать, когда Эмили продолжит. Если, конечно, захочет.

- За это его собирались с треском уволить. Все жаждали крови, власти хотели примерно наказать «впавшего в немилость детектива». Но потом, холодным февральским утром, рядом с сожженным телом школьницы полиция застучала некоего типа. Кого конкретно - догадайся сам. Если бы Волка на суде послушали, девочка до сих пор была бы жива.

- Святой Иисусе! - воскликнул Эдмундс. - Так вы думаете это он... это его голова?

- Нагиб Халид - детоубийца. У преступников тоже есть свои стандарты. Ради его же безопасности Халида заперли в одиночной камере тщательно охраняемого бокса в тюрьме особого режима. К нему никого не допускают, не говоря уже о том, чтобы позволить кому-то выйти оттуда с его головой под мышкой. Смех, да

и только.

Повисла еще одна напряженная пауза, и Бакстер окончательно поняла, что лишь напрасно теряет время. Эдмундс подумал, что этот разговор был самым плодотворным за те три с половиной месяца, что они работали вместе, и вернулся к предыдущей теме, тоже незаконченной:

- Удивительно, что Волка вообще восстановили в полиции.

- Нельзя недооценивать могущество общественного мнения и упорное стремление властей ему следовать, - презрительно бросила Бакстер.

- А вы, похоже, не одобряете его возвращения.

Эмили ничего не ответила.

- То, что он не понес наказания, для правоохранительной системы стало не лучшей рекламой, правда? - сказал Эдмундс.

- Не понес наказания? - недоверчиво протянула Бакстер.

- Ну... его же не посадили в тюрьму.

- Лучше бы посадили. Адвокаты в попытке сохранить лицо добились его принудительного помещения в психиатрическую лечебницу. Сказали, что стресс спровоцировал «абсолютно нехарактерную реакцию».

- И сколько раз человек должен выказать «нехарактерную реакцию», чтобы окружающие в конце концов поняли, что она для него как раз характерна? - перебил ее Эдмундс.

Бакстер его замечание проигнорировала:

- Законники заявили, что он нуждается в постоянном лечении, потому что обладает... асоциальной личностью. Нет, не так: страдает от диссоциативного расстройства личности.

- Но лично вы в это не верили?

- По крайней мере, в тот момент, когда он только-только лег в больницу. Но когда огромное количество людей без конца называет тебя сумасшедшим и пичкает огромным количеством таблеток, в конечном счете ты и сам засомневаешься в собственной психической полноценности, - вздохнула Бакстер. - Поэтому в ответ на твой вопрос скажу так: кто-кто, а уж Волк наказание точно понес - год пребывания в больнице Святой Анны, понижение в должности плюс бумаги по бракоразводному процессу в почтовом ящике по возвращении домой.

- И жена бросила его, хотя он по всем пунктам доказал свою правоту?

- Что тебе сказать? Она просто сука.

- Вы с ней знакомы?

- Рыжеволосая журналистка, которую мы только что встретили у дома.

- Так это была она?

- Андреа. Вбила себе в голову идиотскую мысль, что между мной и Волком что-то было.

- Что вы с ним спали?

- А что же еще?

- Но... ничего подобного не было?

Эдмундс затаил дыхание. Он знал, что своими словами переступил тонкую грань, к которой перед этим незаметно приблизился. Разговор выдохся. Бакстер проигнорировала его бестактный вопрос, нажала на газ, двигатель взревел, и машина во всю мощь понеслась по обсаженной деревьями автостраде.

* * *

- Что значит мертв? – заорала Бакстер на начальника тюрьмы Дэвиса.

Она вскочила на ноги. Эдмундс и начальник остались сидеть за огромным столом, занимавшим собой чуть ли не все пространство безликого кабинета. Дэвис морщился, медленными глотками потягивая обжигающий кофе. Он всегда старался приезжать на работу пораньше, но потерянные полчаса скомкают ему весь день.

- Сержант Бакстер, информацию подобного рода вам должны сообщать местные власти. Мы же обычно не...

- Но... - попыталась вклиниться в его монолог Эмили.

Начальник продолжал, на этот раз уже более твердым тоном:

- Заключенный Халид, отбывавший срок в одиночной камере, заболел и был переведен в лазарет. Потом его перевезли в больницу Королевы Елизаветы.

- С каким диагнозом?

Начальник вооружился очками для чтения и открыл лежавшую на столе папку.

- В рапорте сказано «удушье и тошнота». Около восьми часов вечера его перевели в отделение интенсивной терапии по причине «отсутствия реакции и низкого уровня кислорода в крови, несмотря на проведенное лечение». Вы понимаете, о чем идет речь?

Главный тюремщик поднял глаза и увидел, что Бакстер с Эдмундсом с понимающим видом закивали головами. Но когда он вернулся к рапорту, они переглянулись и недоуменно пожали плечами.

- Полицейские из местного отделения выставили у его палаты круглосуточную охрану, надеясь, что он выживет, и провели у дверей в общей сложности двадцать один час. Он умер около одиннадцати утра.

Начальник снял очки и захлопнул папку.

– Боюсь, что больше мне вам нечего сообщить. За дополнительной информацией обращайтесь непосредственно в больницу. У вас все?

Он сделал еще глоток горячего кофе и отодвинул чашку подальше, опасаясь опрокинуть на себя крутой кипяток. Бакстер и Эдмундс встали, собираясь уйти. Эдмундс улыбнулся и протянул начальнику руку.

– Спасибо, что уделите время... – начал он.

– Здесь нам больше делать нечего! – резко бросила Эмили, переступая порог.

Эдмундс смущенно отнял руку и побежал за ней. Дверь наподдала ему под зад. Но не успела она захлопнуться, как Бакстер резко повернулась, вихрем влетела в кабинет и выпалила последний вопрос:

– Черт. Чуть не забыла. Когда Халида увозили из больницы, вы точно уверены, что у него была голова? – Начальник ошеломленно кивнул. – Спасибо.

* * *

Комната для совещаний отдела по раскрытию убийств и других тяжких преступлений грохотала аккордами песни «Гуд вайбрейшнз» в исполнении «Бич Бойз». Волку всегда легче работалось под музыку, к тому же час был еще ранний и он вполне мог себя ею побаловать, не досаждая окружающим.

Теперь на нем была мятая белая рубашка, темно-синие джинсы и единственная, незаменимая пара туфель – «Лоук Оксфордс» ручной работы, которые стали для него самой экстравагантной и дорогой в жизни покупкой. Детектив смутно помнил те времена, когда их у него еще не было и ему, вконец измученному после девятнадцатичасового дежурства и поспавшему каких-то пару часов, приходилось надевать сшитую явно не по его мерке обувь.

Он увеличил громкость, не замечая зажегшегося экрана телефона, лежавшего рядом на столе. Волк сидел один в комнате, которая запросто вмещала три десятка человек и использовалась настолько редко, что даже сейчас, спустя год после ремонта, в ней по-прежнему стоял запах нового ковролина. Вдоль стены тянулась стеклянная матовая стена, отделявшая совещательную комнату от

помещения, в котором работали сотрудники отдела.

Подпевая невпопад в такт музыке, детектив взял со стола еще одну фотографию и в припляс подошел к большой доске, стоявшей в передней части комнаты. Прикрепил ее, отступил на шаг назад и полюбовался проделанной работой: увеличенными снимками различных частей тела, наложенными друг на друга и образующими две версии жуткой фигуры – вид спереди и вид сзади. Волк еще раз взгляделся в восковое лицо, надеясь, что он не ошибся и что теперь ему будет спать чуточку лучше, зная, что Халид наконец мертв. К сожалению, Бакстер после посещения тюрьмы пока так и не подтвердила его догадку.

– Доброе утро, – произнес за спиной голос с грубоватым шотландским акцентом.

Увидев входившего в комнату напарника, Волк тут же уменьшил громкость и отказался от танцевальных па. Детектив-сержант Финли Шоу служил в их отделе дольше остальных. Человек он был спокойный, но вместе с тем и суровый, от него вечно пахло табаком. В возрасте пятидесяти девяти лет он обладал обветренным, задубелым лицом и носом, который ему неоднократно ломали и который ни разу не сросся правильно.

Когда Волк после «инцидента» вернулся в строй, Финли стал для него «нянькой», точно так же, как для Эдмундса детектив Бакстер. Они заключили между собой джентльменское соглашение: Волк берет на себя львиную долю работы, а Финли, медленно дрейфующий к пенсии, за это подписывает еженедельные рапорты наблюдения за ним.

– Две левые ноги получились просто отвратительно, – проскрежетал Финли.

– Я скорее музыкант, нежели художник, – сказал в оправдание Волк, – и тебе это известно.

– Что-то я сомневаюсь. Я лишь хотел сказать, что... – Финли подошел к стене и ткнул пальцем в снимок, который Волк приколот последним, – у тебя здесь две левые ноги.

– Ха!

Волк порылся в куче фотографий с места преступления и, наконец, нашел нужную.

– Знаешь, время от времени я специально проделываю подобные штучки, чтобы у тебя сложилось впечатление, будто ты мне по-прежнему нужен.

– Кто бы сомневался, – улыбнулся Финли.

Волк заменил фотографию, и они с коллегой уставились на пугающий коллаж.

– В семидесятых годах я принимал участие в расследовании похожего дела, – сказал Финли. – Чарльз Тенисон. – Волк пожал плечами. – Он оставлял нам части тел: там ногу, здесь руку. Поначалу мы думали, что это случайность, но оказалось, что это не так. На каждом фрагменте было что-то вроде метки. Он всячески давал нам понять, кто их убил.

Волк подошел ближе к стене.

– У нас на левой руке присутствует кольцо, а на правой ноге шрам от операции. Для отправной точки негусто.

– Не волнуйся, будут и другие зацепки, – сухо бросил Финли. – Человек, не оставивший после такой резни ни капли крови, не случайно подсунул нам это кольцо на руке.

В благодарность за эти рассуждения, заслуживающие самого внимательного рассмотрения, Волк громко зевнул прямо Финли в лицо.

– Кофейку? К тому же мне надо покурить, – сказал Финли. – С молоком и два сахара?

– Неужели нельзя запомнить? – спросил Коукс, когда Финли направился к двери. – Обжигающий, двойной, с капелькой молока и обессахаренным карамельным сиропом.

– С молоком и два сахара! – воскликнул Финли, выбежал из комнаты для совещаний и чуть не столкнулся в дверях с командером[4 - Командер –

специфическое звание, существующее исключительно в столичной полиции, и больше нигде в Великобритании. Следует сразу за старшим инспектором.] Ванитой.

Элегантно одетую индуску Волк узнал сразу – она регулярно появлялась на экране телевизора, а также присутствовала на одном из бесчисленных заседаний и комиссий, через которые ему пришлось пройти, чтобы восстановиться в полиции. Причем, насколько он помнил, выступала против. Когда он замешкался, уступая ей дорогу и отходя к доске, она остановилась и сказала:

– Доброе утро, детектив-сержант.

– Доброе.

– У меня такое ощущение, что это не отдел по расследованию убийств, а цветочный магазин.

Волк в замешательстве посмотрел на отвратительный коллаж за спиной, чуть не во всю стену, перевел взгляд обратно на командера и понял, что она показывает на офис, где на столах и сейфах для бумаг красовалось несколько дюжин экстравагантных букетов.

– Вот вы о чем. Их присылают уже целую неделю, – объяснил он. – По-видимому, это связано с делом Муниса. Такое ощущение, что местные жители, все как один, решили завалить нас цветами.

– Приятно, когда услуги оцениваются по достоинству, – сказала Ванита. – Вы не знаете, где Симмонс? В кабинете его нет.

На столе громко завибрировал телефон Волка. Он посмотрел на номер, высветившийся на экране, и нажал кнопку ответа.

– Я могу вам чем-то помочь? – несмело спросил он.

Кончики губ Ваниты приподнялись в легкой улыбке.

– Боюсь, что нет. Журналисты рвут нас на части, и комиссар жаждет решить вопрос с ними как можно быстрее.

– Я думал, общение с ними – это ваша обязанность, – сказал Волк.

– Сегодня я возьму выходной, – засмеялась Ванита.

В этот момент они увидели Симмонса, направлявшегося в свой кабинет.

– В жизни, Волк, часто бывает, что создают проблемы одни, а решают их другие... Кому, как не вам, этого не знать.

* * *

– Как видишь, у меня нет ни капли свободного времени. Я хочу, чтобы ты пошел к этим стервятникам и поговорил с ними от моего имени, – сказал Симмонс с такой искренностью в голосе, что ему даже можно было поверить.

Через две минуты после ухода командера начальник вызвал Волка в свой крохотный кабинет. Размером комната была не больше четырех квадратных метров. Вся ее меблировку составляли письменный стол от ИКЕА, малюсенький телевизор, ржавый сейф для документов, два вращающихся стула и пластиковый табурет (на тот случай, если в апартаменты решит набиться целая толпа). От мысли о том, что придется выступать перед камерами, на душе у Волка стало пакостно, в подобные минуты он чувствовал себя так, будто поднялся по лестнице, но вдруг оказался в тупике.

– Я? – с сомнением в голосе переспросил он.

– А то кто же! Газетчики тебя обожают. Ты же Вильям Коукс!

Детектив вздохнул:

– Может, отдать им на съедение индивидуума, который стоит ниже меня в пищевой цепочке?

– Ага, я как раз только что видел уборщика в мужском туалете. Но будет лучше, если пойдешь ты.

– Хорошо, – пробурчал Волк.

Зазвонил лежавший на столе телефон. Симмонс взял его и ответил. Волк встал, собираясь уйти, но начальник махнул ему рукой, веля остаться.

– Он рядом. Я выведу тебя на громкую связь.

За ревом двигателя голос Эдмундса был едва различим. Волк проникся к нему сочувствием. Он по опыту знал, что Бакстер была отчаянным водителем.

– Мы едем в Больницу Королевы Елизаветы. Неделю назад Халида увезли туда и поместили в отделение интенсивной терапии.

– Живого? – раздраженно рявкнул Симмонс.

– На тот момент да, – ответил Эдмундс.

– А сейчас?

– Он умер.

– А что с его головой? – напряженно спросил Симмонс.

– Как только что-нибудь выясним, сразу же вам сообщим.

– Фантастика! – Симмонс нажал кнопку отбоя и потрянул головой. Потом поднял глаза на Волка. – Писаки ждут тебя на улице. Скажешь им, что у нас шесть жертв. Они это знают и без нас. Добавь, что сейчас мы их идентифицируем, а когда покончим с этим, сначала свяжемся с семьями и только после этого предадим все имена огласке. Не говори, что части тел сшили вместе... свою квартиру тоже не упоминай.

Волк ехидно поклонился и вышел из комнаты. Закрыв за собой дверь, он увидел Финли, который направлялся к нему с двумя пластмассовыми стаканчиками в руках.

– Я уж заждался! – крикнул Волк через весь офис, теперь набитый сотрудниками, заступившими в дневную смену.

Не надо забывать, что пока резонансные преступления затмевают собой жизнь тех, кто так или иначе к ним причастен, остальной мир продолжает жить своей привычной жизнью: одни люди убивают других, насильники и воры разгуливают на свободе.

Проходя мимо стола, заставленного пятью огромными букетами, Финли повел носом и Волк увидел, что его глаза повлажнели. Подойдя ближе, Шоу громко чихнул и выплеснул кофе из обоих стаканчиков на покрытый ковролином пол. Волк огорчился.

– Мерзкие цветы! – заорал Финли. После того как он стал дедушкой, жена запретила ему ругаться. – погоди, сейчас схожу принесу по новой.

Волк хотел было попросить его не беспокоиться, но в этот момент увидел, что из лифта вышел курьер с огромным букетом в руках. Судя по виду, Финли был готов его убить.

– С вами все в порядке? – спросил неряшливый молодой человек. – У меня букет для мисс Эмили Бакстер.

– Какой ужас, – проворчал Финли.

– Это уже то ли пятый, то ли шестой. Она, наверное, красавица? – спросил туповатый курьер, застав Волка врасплох своим неуместным вопросом.

– Э-э-э... она... очень... – замямлил Волк.

– По правде говоря, мы никогда не оцениваем детективов с подобной точки зрения, – вклинился в их разговор Финли.

- Это зависит от... - начал Волк и посмотрел на Шоу.

- Да-да, я хотел сказать, она действительно красива, - брякнул Финли, больше не в состоянии выступить с позиций бесстрастного наблюдателя, - но...

- На мой взгляд, каждый человек по-своему уникален и красив, - мудро заметил Волк.

Они с Финли кивнули друг другу, безупречно разрулив потенциально опасную ситуацию.

- При этом он никогда бы... - заверил Финли курьера.

- Точно никогда, - согласился с ним Волк.

Парень тупо уставился на детективов.

В этот момент на пороге кабинета вырос Симмонс. Увидев, что Коукс все еще здесь, он заорал:

- Волк, ты еще здесь!

Тот повернулся к курьеру спиной.

- Поставь на стол в углу, - посоветовал он и ступил в обленившийся лифт, молясь, чтобы в толпе репортеров, с которой ему предстояло столкнуться, не оказалось его бывшей жены.

Глава 3

Суббота, 28 июня 2014 года,

6 часов 09 минут утра

В приемном покое больницы Королевы Елизаветы Эдмундсу и Бакстер пришлось ждать целых десять минут. Кафе и газетный киоск «Дабл'ю-Эйч Смит» были закрыты. Когда Бакстер еще раз взглянула на чипсы «Монстер Манч», в этот момент для нее недоступные, в животе у нее заурчало. Наконец к сестринскому посту подкатил болезненно разжиревший охранник, и сидевшая за столом негостеприимная дама ткнула в них пальцем.

– Эй! – крикнула она, будто подзывая собаку. – Джек вас проводит.

Охранник явно был не в духе. Преодолевая себя, он медленно повел их к лифту.

– Вообще-то мы торопимся, – резко бросила Бакстер, не в состоянии справиться с раздражением.

К ее огорчению, толстяк после этих слов стал еще апатичнее.

Впервые он заговорил, только когда они вышли из лифта на цокольном этаже:

– «Настоящие» полицейские не доверили нам, презренным охранникам, такую мудреную работу, как сидеть у двери палаты, и решили взять эту миссию на себя. Большое дело сделали.

Они зашагали по узкому коридору.

– Когда тело спустили в морг, за ним кто-нибудь присматривал? – миролюбиво спросил Эдмундс в попытке смягчить сердце озлобленного секьюрити, вытащил блокнот и приготовился записать ответ.

– Я, конечно, могу только строить предположения, – намеренно неторопливо начал толстяк, – но полиции следовало бы подумать, что после смерти, как правило, люди уже не опасны. Хотя, повторяю, это лишь мое предположение.

Охранник самодовольно улыбнулся собственной остроте. Эдмундс глянул на Бакстер, ожидая, что она тряхнет головой или поднимет подопечного на смех за глупый вопрос, но детектив, к его удивлению, встала на его защиту:

– Мой коллега просто хотел у вас выяснить, хотя и безуспешно, охраняется ли морг.

Они подошли к веренице безликих двустворчатых дверей, и толстяк надменно постучал похотим на колбаску пальцем по приклеенному к стеклу стикеру с надписью «Не входить».

– Больше вам от меня ничего не нужно, уважаемая?

Бакстер проскользнула мимо несносного типа и придержала перед Эдмундсом дверь.

– Спасибо, вы вели себя, как настоящий... козел! – сказала она и захлопнула ее прямо перед носом охранника.

В отличие от совершенно бесполезного секьюрити, патологоанатом – мягкий мужчина чуть за пятьдесят с аккуратно подстриженной бородкой, которая так шла его волосам, проявил себя человеком знающим и энергичным и за каких-то пару минут нашел карту Нагиба Халида как в бумажном варианте, так и в виде компьютерного файла.

– По правде говоря, я не присутствовал при вскрытии, но если верить бумагам, причиной смерти стал тетродотоксин. Его следы были обнаружены в крови.

– И этот тетоксин...

– Тетродотоксин, – поправил Эмили патологоанатом без малейшего намека на снисходительность в голосе.

– Ну да, он самый. Что он собой представляет? Как он мог попасть в организм заключенного?

– Это природный нейротоксин.

Бакстер и Эдмундс с непонимающим видом уставились на него.

– Яд. Скорее всего, он принял его с пищей. В большинстве случаев смерть от тетродотоксина наступает вследствие употребления иглобрюхих рыб и некоторых деликатесов, хотя лично я больше склоняюсь к «Ферреро Роше».

В животе Бакстер вновь болезненно заурчало.

– Значит я должна сейчас вернуться в офис и сообщить старшему инспектору, что Киллера-Крематора убила какая-то рыбка? – спросила она, явно не в восторге от услышанного.

– Мы все умрем, одни так, другие иначе... – пожал он плечами, будто извиняясь, – тетродотоксин содержится и в других организмах, таких как морские звезды и улитки. Думаю, не ошибусь, если причислю сюда и жаб...

Бакстер его слова, похоже, не убедили.

– Желаете взглянуть на тело? – через мгновение спросил патологоанатом.

– Если вас не затруднит, – ответила детектив.

Раньше подобных слов Эдмундс от нее не слышал.

– Могу я поинтересоваться – почему?

Они подошли к стене с большими, полированными металлическими морозильниками.

– Чтобы взглянуть, осталась ли у него на плечах голова, – ответил Эдмундс, что-то царапая в блокноте.

Патологоанатом взглянул на Бакстер. Он ожидал, что она улыбнется или извинится за черный юмор коллеги, но детектив лишь кивнула головой. Врач немного смущенно подошел к нужному ящику в нижнем ряду и медленно его выдвинул. Когда их взорам предстал печально известный серийный убийца, все трое затаили дыхание.

Темнокожие ноги были покрыты старыми шрамами и ожогами. Затем появились кисти и пах. Бакстер обескураженно посмотрела на два уродливых пальца на левой руке и тут же вспомнила ночь, когда из камеры предварительного заключения вышел забрызганный кровью Волк. На следующий день начальство забросало ее вопросами о том, что случилось, но она сказала, что ничего не знает.

Вот на свет Божий показалась грудь, покрытая шрамами от операций, перенесенных Халидом после нападения Волка. Наконец ящик со щелчком остановился, и они уставились на собственные отображения, искаженные металлической поверхностью, – в том самом месте, где у покойников обычно бывает голова.

– Ни хрена себе!

Волк слонялся у главного входа в Нью-Скотленд-Ярд, нервно поглядывая на огромную толпу, собравшуюся в тени высоченного стеклянного сооружения, занимавшего почти два акра в самом центре Вестминстера. На площадке, где традиционно проводились пресс-конференции, как раз заканчивали устанавливать импровизированную трибуну. На заднем плане вращалась знаменитая эмблема столичной полиции.

Когда-то ему говорили, что ее буквы, сияющие в лучах солнца, призваны символизировать неустанную бдительность лондонских стражей порядка, а отражение человека в них – напоминать, что ему не укрыться от их недремлющего ока. То же самое можно было сказать и о самом здании, которое в ясные дни будто растворялось, когда его зеркальные окна приобретали облик расположенного напротив отеля в викторианском стиле, выложенного из красного кирпича, и видневшейся вдали башни с часами в доме 55 по улице Бродвей.

В кармане Волка завибрировал телефон, он понял, что забыл его выключить, и выругался, но, увидев, что звонок от Симмонса, тут же нажал кнопку связи:

– Босс?

– Бакстер только что подтвердила: это действительно Халид.

– Я и без нее это знал. От чего он умер?

– Рыба.

– Что?

– Пищевое отравление. Яд.

– Он не заслужил такой легкой смерти, – прошипел Волк.

– Давай сделаем вид, что ты мне этого не говорил.

Какой-то человек в рабочем комбинезоне замахал детективу рукой.

– Похоже, они готовы. Я пошел.

– Удачи тебе.

– Спасибо, – без особой искренности в голосе ответил Волк.

– Постарайся не облажаться.

– Будь спокоен.

Он нажал кнопку отбоя и посмотрел в зеркало, дабы убедиться, что ширинка застегнута и что он выглядит не более замотанным и уставшим, чем обычно. Затем двинулся к трибуне, намереваясь покончить с этим неприятным делом как можно быстрее. Но по мере нарастания шума его уверенность стала постепенно таять, а когда он увидел нацеленные на него черные объективы телекамер, отслеживавших каждый его шаг, будто стволы пушек мишень, исчезла и вовсе. На мгновение перед глазами возникла картина из прошлого: его запихивают в полицейский фургон, он безуспешно пытается прикрыть руками лицо, а недовольная пресса громко улюлюкает и остервенело лупит в железный борт микроавтобуса. После этого он забыл, что такое спокойный сон.

Волк нерешительно подошел к трибуне и начал наспех отрепетированную речь.

– Я, детектив-сержант Вильям Коукс, сотрудник...

– Что? Говорите громче! – грубо закричали в толпе.

Один из рабочих, трудившихся над возведением трибуны, подбежал и включил микрофон, отозвавшийся гулким щелчком. Волк старался не обращать внимания на злорадный смех, взлетевший над морем лиц.

– Спасибо. Итак, как уже было сказано, я детектив-сержант Вильям Коукс, сотрудник столичной полиции и член команды по расследованию преступления, квалифицируемого как убийство двух и более лиц.

«Для начала неплохо», – подумал он. Собравшиеся стали забрасывать его вопросами, но Волк продолжал, никак на них не реагируя:

– Мы подтверждаем, что в доме в Кентиш-таун были обнаружены останки шести жертв.

В этот момент детектив совершил оплошность – поднял глаза от бумаг, увидел изумительные рыжие волосы Андреа, понял, что она чем-то расстроена, и от этого смутился еще больше. Волк уронил свои записи, наклонился, чтобы собрать их, и вдруг вспомнил, что нацарапал на одной из карточек подробности преступления, в которые никого не собирался посвящать. Он отыскал ее и вновь занял место перед микрофоном.

– ...их нашли сегодня ночью. Под утро. – В горле у детектива пересохло, он почувствовал, что от смущения по привычке покраснел как рак, и поэтому последнюю карточку прочел скороговоркой: – Сейчас мы устанавливаем личности жертв. Когда они будут идентифицированы, мы сначала свяжемся с семьями и только потом назовем их имена. В интересах следствия больше я вам ничего сообщить не могу. Всем спасибо.

Он на несколько секунд задержался, ожидая аплодисментов, но потом осознал, что в данном случае они будут неуместны, тем более что речь в его исполнении их в любом случае не заслужила. Потом отошел от трибуны и зашагал прочь.

– Билл! Билл! – крикнули ему вслед.

Волк повернулся и увидел, что к нему бежит Андреа. От первого охранника она увернулась, но ей тут же перегородили дорогу двое других. На него нахлынула волна глухого гнева, неизменно омрачавшего их редкие после развода встречи. Он даже захотел, чтобы полицейские ее оттащили, но когда к журналистке направился боец из подразделения по охране правительственных и дипломатических объектов, вооруженный автоматической штурмовой винтовкой «НК G36C», все же решил вмешаться.

- Все в порядке! Пропустите ее! - неохотно крикнул он.

В прошлый раз они встретились, чтобы обсудить продажу дома. Разговор вышел очень неприятный, поэтому Андреа, ринувшись к Волку и с силой его обняв, застала его врасплох. Он задышал ртом, отчаянно стараясь не вдыхать запах ее волос, зная, что к нему обязательно примешается аромат духов, которые так ему нравились. Высвободившись, наконец, из ее объятий, Волк увидел, что бывшая жена готова вот-вот расплакаться.

- Мне больше нечего тебе сказать, Анди...

- Ты когда-нибудь отвечаешь на телефонные звонки? Я уже два часа пытаюсь с тобой связаться!

Волк никогда не умел подлаживаться под резкие перепады ее настроения. Прошло лишь какое-то мгновение, а она уже была в бешенстве.

- Прости меня. Я сегодня действительно был очень занят, - сказал он. - Затем склонился к ней ближе и с видом заговорщика прошептал: - По предварительным данным, произошло убийство.

- Рядом с твоей квартирой!

- Да, - задумчиво протянул Волк, - квартал там гнусный.

- Мне нужно тебя кое о чем спросить, но обещай, что скажешь правду. Договорились?

- Э-э-э...

- Ты рассказал не все, да? Труп сшили из частей тел, будто куклу?

Волк сконфуженно пробормотал:

- Как ты... Откуда ты... От лица столичной полиции я...

- Это Халид, да? Я имею в виду голову?

Волк схватил Андреа за руку и потащил в сторону, желая оказаться как можно дальше от остальных полицейских. Она вытащила из сумки толстый коричневый конверт.

- Поверь, кому-кому, а мне-то точно не хочется упоминать имя этого страшного человека. Я сама от него пострадала, ведь он разрушил наш брак. Но я узнала его на фотографиях.

- На каких фотографиях? - осторожно спросил он.

- Боже мой! Я знала, что это не подделка, - ответила она голосом, в котором слышались усталость и страх. - Мне прислали фотографии этой... «куклы». Я придержала полученную информацию на несколько часов, но теперь должна бежать на работу. - Мимо них прошел полицейский. Андреа умолкла, затем продолжила: - Билл, тот, кто это сделал, приложил к снимкам список - шесть фамилий и рядом с каждой из них дата. Я позвонила тебе только потому, что понятия не имею, что все это значит.

Волк выхватил у нее из рук конверт и разорвал.

- Первым в списке идет мэр Тернбл. Помечен сегодняшним числом, - сказала Андреа.

- Мэр Тернбл? - спросил Волк с таким видом, будто у него земля ушла из-под ног.

Не говоря больше ни слова, он повернулся и бросился к главному входу в здание. Андреа что-то крикнула ему вслед, но он ничего не разобрал - слова разбились о толстое стекло.

Симмонс разговаривал по телефону с комиссаром, который то и дело прибегал к хамоватым угрозам, намекая, что незаменимых сотрудников нет, в ответ на бесконечные извинения подчиненного за явное отсутствие прогресса в проводимом его отделом расследовании. Когда Волк без предупреждений ворвался в его кабинет, Симмонс как раз излагал план действий.

– Коукс! Пошел вон! – заорал он.

Волк перегнулся через стол и нажал кнопку, чтобы прервать их разговор.

– Ты в своем уме? Что ты себе позволяешь? – в бешенстве рявкнул старший инспектор.

Волк открыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент донесся искаженный динамиком голос комиссара:

– Симмонс, это ты мне?

– Черт! – выругался Волк и нажал другую кнопку.

– Вас приветствует служба голосовых сообщений абонента... – затянул бездушный голос.

Когда Волк яростно нажал на телефоне еще одну кнопку, ошеломленный Симмонс обхватил руками голову.

– Как же ее выключить, эту чертову штуковину? – раздраженно закричал детектив.

– Там есть такая большая красная кнопка... – услужливо пришел ему на помощь комиссар.

Тут же раздался резкий щелчок и наступила тишина, подтверждая, что собеседник на том конце провода не соврал.

Волк высыпал на стол снятые «Полароидом» фотографии гротескного тела.

– Эти отпечатки наш убийца разослал в СМИ. И присовокупил к ним список приговоренных. – Симмонс потер лицо и посмотрел на снимки, живописующие «коллективный труп» на разных стадиях его «сборки». – Первым в нем идет мэр Тернбл, – добавил Волк. – Причем уже сегодня.

До сознания Симмонса его слова дошли не сразу.

Он вдруг сорвался с места и вытащил мобильный телефон.

– Терренс! – с энтузиазмом в голосе ответил мэр. Голос его звучал так, будто он стоял за дверью. – Рад тебя слышать!

– Рэй, ты сейчас где? – спросил Симмонс.

– Подъезжаю к воротам Хэм Гейт в Ричмонд-парке. Помнишь? Раньше мы часто здесь бывали. Потом у меня запланирована благотворительная акция.

Симмонс прошептал его координаты Волку, который тут же ринулся звонить в оперативный штаб.

– Рэй, ситуация следующая: тебе угрожает смертельная опасность.

Мэр отнесся к этой новости на удивление легко.

– Ну что ж, обычное дело, – засмеялся он.

– Оставайся на месте, к тебе едет несколько машин, они будут рядом до тех пор, пока мы все не выясним.

– А без этого никак?

– Я объясню тебе все при встрече.

Симмонс нажал кнопку отбоя и повернулся к Волку.

– На подходе три наших автомобиля, – сообщил тот. – Ближайший будет на месте через четыре минуты. В одном из них группа быстрого реагирования.

– Хорошо! – сказал Симмонс. – Скажи Бакстер и... этому... как там его... в общем, вели им ехать сюда. Теперь вот что, наш этаж закрыть, никого не впускать и не выпускать. Охране скажешь, что мы встретим мэра в гараже. Вперед!

Тернбл спокойно устроился на заднем сиденье своего «Мерседес-Бенца» Е-класса с личным водителем. Перед тем как сесть в машину, он попросил помощника отменить некоторые дела, запланированные в его плотном графике, чувствуя, что судьба уготовила ему долгий, утомительный день.

Всего два месяца назад мэр получил электронное письмо с угрозами и был вынужден целый день сидеть в своем доме в Ричмонде – до тех пор, пока не выяснилось, что его послал одиннадцатилетний мальчишка из школы, в которую его пригласили в начале недели. Теперь он опасался, как бы и нынешняя ситуация не обернулась столь же бесполезной тратой времени.

Плотный поток машин, в этот ранний час направлявшихся в парк, чтобы провести еще один славный выходной, заставил водителя уступить дорогу. Они остановились рядом с «Роял Стар энд Гартер Хоум», недавно проданным новому владельцу и теперь пустовавшим. Мэр загляделся на великолепное здание, венчавшее собой Ричмонд-Хилл, и подумал, сколько времени понадобится на то, чтобы этот дом, фрагмент долгой и богатой истории Лондона, в припадке деградации и бесчестья превратился в апартаменты для состоятельных банкиров.

Он открыл портфель, вытащил коричневый противоаллергический ингалятор и сделал глубокий вдох. Этот затянувшийся зной принес с собой тучи пыли, самым пагубным образом влиявшей на его дыхательные пути, и ему не хотелось опять лечиться в больницу, потому что в течение года он и так лечился там уже дважды. Ему наступал на пятки ближайший соперник, и мэр прекрасно понимал, что его отсутствие на намеченных на сегодня встречах и мероприятиях отнюдь не пройдет незамеченным.

Почувствовав, что внутри нарастает напряжение, он опустил стекло и закурил. Иронию, заключающуюся в том, что рядом с ингалятором у него всегда лежала пачка сигарет, Тернбл давно не замечал, особенно после того, как стал курить

меньше. Он услышал вдали вой сирен и с огорчением подумал, что это за ним.

Рядом резко затормозила патрульная машина, из нее вышел полицейский в мундире и обменялся парой фраз с его водителем. Тридцать секунд спустя они уже неслись вперед, зачастую по полосам для общественного транспорта и на красный сигнал светофора. Когда же к «Мерседесу», который в городе знала каждая собака, по бокам пристроились еще два полицейских автомобиля, он взмолился, чтобы ни одна живая душа не сняла на телефон эту гонку и не обвинила его в нелепой, чересчур острой реакции на возникшую угрозу.

Мэр соскользнул чуть ниже на сиденье и стал глядеть, как просторные дома за окном сменяются компактными офисными зданиями, напираящими друг на друга в бесконечной, изнурительной конкурентной борьбе, и заслоняющими собой небо.

Глава 4

Суббота, 28 июня 2014 года

7 часов 19 минут утра

Возвращаясь в Сатуарк, Эдмундс даже не сомневался, что Бакстер вот-вот собьет какого-нибудь велосипедиста, а когда они выехали на встречную полосу, понеслись по набережной и чуть не передавили пешеходов, пытавшихся перейти улицу в том месте, где их выплюнул вагон на станции метро «Темпл», закрыл глаза.

За решеткой «Ауди» Бакстер прятались синие проблесковые маячки. В нерабочем состоянии заметить их было нельзя, впрочем, во включенном тоже, судя по количеству тех, кому удалось избежать столкновения в самый последний момент. Ручку двери Эдмундс отпустил только тогда, когда Эмили свернула со встречки и поехала по своей полосе, лавируя в плотном транспортном потоке. Чтобы не въехать в зад двигавшегося впереди автобуса, Бакстер притормозила, оглушительный рев двигателя ненадолго стих, и стажер

услышал, что у него звонит телефон. На экране высветилась фотография Тиа, привлекательной чернокожей женщины лет двадцати пяти.

- Привет, милая, у тебя все в порядке? – крикнул он в трубку.

- Привет. Ты исчез посреди ночи, потом в новостях рассказали об этом деле и я... Я лишь хотела убедиться, что с тобой все хорошо.

- Мне сейчас некогда. Я тебе потом сам перезвоню.

Голос Тиа прозвучал расстроено:

- Хорошо. Будешь ехать домой, купи молока. – Эдмундс вытащил блокнот и сделал пометку – в аккурат под определением тетродотоксина. – И пару бургеров с говядиной, – добавила девушка.

- Ты же вегетарианка!

- купишь бургеров! – нетерпеливо повторила Тиа. – Он добавил их к списку покупок. – Потом «Нутеллы»...

- Боже праведный, что вы делаете? – взвизгнул он.

Бакстер посмотрела на Эдмундса: он заорал, как баба, глаза его расширились от страха. За несколько мгновений до этого она заложила крутой поворот и лихо крутанула руль, лишь на миллиметр разминувшись с другой машиной.

- Черт бы его побрал! – облегченно засмеялась она.

- Ладно... договорились... – сказал Эдмундс, едва переводя дух. – Все, мне пора, целую.

Они проехали мимо будки охранников и по пандусу спустились в подземный гараж Нью-Скотленд-Ярда, не дав Тиа даже попрощаться, потому как телефон тут же потерял сигнал.

– Моя невеста, – с улыбкой объяснил Эдмундс. – На шестом месяце. – Бакстер окинула его бесстрастным взглядом. – Беременна. На шестом месяце.

Женщина и бровью не повела.

– Прими мои поздравления. Я вот думаю, как это мы, детективы, можем так долго спать? Хотя с хнычущим по ночам ребенком тебе это точно не грозит.

Бакстер кое-как припарковалась и повернулась к Эдмундсу:

– Послушай, ты ведь все равно не будешь расследовать убийства. Может, лучше не тратить попусту мое время и сразу вернуться в отдел по борьбе с финансовыми преступлениями?

Она вышла и с силой хлопнула дверцей. Эдмундс остался сидеть один. Его потрясла не ее реакция, не бездушие и даже не явное отсутствие интереса к его будущему отцовству. Просто он подозревал, что Эмили первой сказала ему в лицо правду, и боялся, что она окажется права.

В комнату для совещаний набился весь отдел по раскрытию убийств и других тяжких преступлений, включая и тех, кто непосредственно не занимался этим делом, но был вынужден оставаться в офисе после приказа в экстренном порядке перекрыть этаж. Неправильно установленный кондиционер гнал воздух через решетку, развеивал края прикрепленных к стене фотографий, и огромный коллаж, казалось, слегка раскачивался, как раскачивалось ночью подлинное тело коллективной жертвы, подвешенное к потолку.

Симмонс с Ванитой говорили вот уже пять минут. Аудитория быстро теряла терпение, поскольку температура в комнате, где яблоку негде было упасть, повышалась с каждой секундой.

– ...через гараж. После чего мы поместим мэра Тернбла в первую допросную комнату и обеспечим охрану, – сказал Симмонс.

– Лучше во вторую, – подал кто-то голос, – в первой до сих пор протекает труба, и я боюсь, что к прочим неприятностям сегодняшнего дня мэру придется

добавить еще и китайскую пытку водой.

В ответ послышались разрозненные смешки тех, кто ради этой самой пытки тайком от начальства проводил в первой комнате допросы.

- Ну хорошо, пусть будет во второй, - сказал Симмонс. - Финли, у тебя все готово?

- Ну да. - Его ответ Симмонса, похоже, не убедил. Волк толкнул друга локтем: - Я велел охране пропустить Эмили и этого... как его... - продолжал напарник.

- Эдмундса, - прошептал Волк.

- Как его зовут, не знаешь? - тихо спросил Финли. - Волк пожал плечами. - Может, Эдмунд?

- ...Эдмунда Эдмундса. У всех дверей мы выставили охрану, в гараже мэра встретят ребята из подразделения по охране дипломатических и правительственных, а также кинологи. Этаж закрыт, лифты остановлены, это значит, что подняться сюда можно будет только по лестнице.

- Отлично! - сказал Симмонс. - Коукс, как только встретишь мэра, поднимешься сюда в сопровождении вооруженного полицейского. Имей в виду, здание Нью-Скотленд-Ярда огромное и всех, кто в нем находится, мы знать не можем. Как только окажешься с ним в допросной, наберись терпения, вам с ним там придется сидеть долго.

- Сколько? - спросил Волк.

- До тех пор, пока мы не убедимся, что мэру больше ничего не угрожает.

- Я пришлю тебе ведро! - выкрикнул надменный детектив по имени Сондерс, явно считая свою реплику остроумной.

- Я лишь поинтересовался, что будет на обед, - ответил Волк.

– Иглобрюхая рыба, – продолжал глумиться Сондерс, испытывая терпение Симмонса на прочность.

– Сондерс, здесь твои шутки неуместны! – заорал старший инспектор, намеренно чересчур усердствуя, чтобы угодить командеру Ваните. – Пошел вон!

– Я бы... пошел... но не могу... чисто физически... этаж-то перекрыт... – промямлил детектив с крысиным лицом, запинаясь, будто нашкодивший школьник.

– Тогда сядь и заткнись.

В комнату вошли Бакстер и Эдмундс, явно выбрав для этого не самый подходящий момент.

– Мило, что вы к нам присоединились. У меня для вас особое задание – проверите кое-какую информацию, которая может помочь в расследовании.

С этими словами Симмонс бросил Бакстер папку, которую та поймала и тут же передала Эдмундсу.

– Мы пропустили что-нибудь важное? – спросила Эмили у собравшихся.

– Нас с Биллом приставили охранниками, – ответил Финли. – Тебе с Эдмундом предстоит заняться идентификацией частей тела «коллективного» покойника. Сондерс ведет себя как...

– Мудак? – предположила Бакстер, садясь на стул.

Финли кивнул, благодарный ей за то, что она избавила его от необходимости ругаться.

– Ну хорошо, садитесь, – приказал Симмонс. – Итак, пока вы все в сборе: у нас в наличии шесть расчлененных трупов, впоследствии частично сшитых вместе, мэр, жизни которого угрожает опасность, и список еще пяти жертв.

– Плюс кукла-чудовище, указывающая пальцем на окно Билла, – весело вклинился в разговор Финли.

– Да, она тоже, – продолжал старший инспектор, игнорируя обращенные на него вопрошающие взоры. – У кого есть соображения?

Ответом ему была лишь стена ничего не выражающих лиц.

– Вообще никаких?

Эдмундс несмело поднял руку.

– Говори.

– В университете я как-то писал реферат, посвященный мотивам, которыми руководствуются серийные убийцы, рассылая полиции и средствам массовой информации свои сообщения. В нем фигурировали Зодиак[5 - Зодиак – серийный убийца, действовавший на территории Северной Калифорнии и Сан-Франциско в США в 1960-х годах. Личность преступника до сих пор не установлена. По его словам, он убил 37 человек, хотя следователи уверены лишь в семи случаях. Зодиак – псевдоним, использованный убийцей в серии язвительных писем в редакции местных газет.], Убийца со счастливым лицом[6 - Кит Хантер Джесперсон (род. в 1955 г.) – серийный убийца, действовавший на территории США в начале 1990-х годов. Свое прозвище получил благодаря смайликам, которыми были испещрены его многочисленные послания прокурорам и СМИ. По собственному заявлению убил 160 человек, хотя официальное подтверждение получили лишь восемь случаев.]...

– ...Фауст, псих из фильма «Семь»... – стал продолжать за него Сондерс.

Его ехидное замечание вызвало несколько язвительных смешков и сердитый взгляд Симмонса.

– Очень часто, хоть и не всегда, рассылаемые таким серийным убийцей сообщения содержат в себе «неоспоримые доказательства» его гениального таланта преступника, – бесстрастно продолжал Эдмундс. – Иногда мелочи, не предаваемые огласке, но порой и что-то более существенное.

– Типа фотографий, которые сегодня прислали жене Коукса? – сказала Ванита, непреднамеренно допустив ошибку.

– Бывшей жене, – тут же поправил ее Волк.

– Совершенно верно. Но в очень редких случаях такие послания представляют собой что-то вроде крика о помощи, в них злодеи буквально умоляют полицию остановить череду совершаемых ими убийств. Они считают, что сами являются жертвой своих неконтролируемых порывов. Это, как и мысль о том, что за их преступления за решетку могут отправить кого-то другого, для них попросту невыносимо. И при первом, и при втором сценарии, конечная цель неизменно сводится к тому, чтобы их поймали.

– И вы полагаете, что мы столкнулись как раз с таким случаем? – спросила Ванита. – Но почему?

– Во-первых, список намеченных жертв... Во-вторых, четко определенные даты... Плюс к этому обращение в СМИ... Мне кажется, что убийца, сориентировавшись в ситуации, постарается соблюдать дистанцию, но избежать соблазна быть как можно ближе к расследованию ему вряд ли удастся. С каждым следующим убийством он будет чувствовать себя все увереннее, подливая масла в огонь своей мании величия, потом возомнит себя Богом и станет рисковать все больше и больше. Пока в конечном счете сам нас к себе не приведет.

Все в удивлении уставилась на Эдмундса.

– Что-то я не помню, чтобы раньше слышал твои выступления, – сказал Финли.

Парень скромно пожал плечами.

– Но почему я? – спросил Волк. – Почему этот кошмарный труп показывает на мое окно, а не на чье-то другое? И зачем было посылать фотографии не кому-то, а именно моей жене?

– Бывшей жене, – в унисон поправили его Бакстер и Финли.

– Почему моей... – Волк на несколько мгновений умолк. – Почему я?

– Потому что ты поймал преступника, чьей головой воспользовались при составлении «коллективного труппа», – ухмыльнулся Финли.

Вся комната в немом ожидании повернулась к Эдмундсу.

– Серийные убийцы редко выделяют из рядов полиции кого-то конкретно. Но это все же бывает и причины в подобных случаях всегда носят личный характер. Что-то вроде лести. Убийца, должно быть, видит в Волке достойного противника. Именно в Волке и ни в ком другом.

– Тогда все в порядке, – пренебрежительно бросил Билл. – Он просто решил доставить мне удовольствие.

– Кто еще включен в этот список? – спросила Бакстер, стремясь направить разговор в другое русло и приняться за обсуждение темы, по которой Эдмундс не писал никаких рефератов.

– Со следующим фигурантом я разберусь сама, – сказала Ванита, выйдя чуть вперед. – Мы решили пока придержать эту информацию, чтобы, с одной стороны, не сеять панику, а с другой – сосредоточить все усилия на охране мэра. К тому же у нас нет полной уверенности в том, что угроза существует в действительности, а лишние судебные иски отделу уж точно не нужны.

Несколько человек повернули головы и с осуждением посмотрели на Волка.

Зазвонил телефон внутренней связи, Симмонс снял трубку, собравшиеся наострили уши.

– Действуйте... Спасибо, – сказал он и кивнул Ваните. – Ну хорошо, ребята. Будьте сегодня на высоте. Планерка окончена.

Когда Волк спустился в подземный паркинг, «Мерседес» мэра уже подрулил к стоянке. В отличие от офисов такого блага, как кондиционеры, в гаражах не было, и духота, которая поднималась над бетонированной площадкой, смешиваясь с запахами резины, масла и выхлопных газов, казалась поистине удушающей. Яркий свет, озарявший собой все, кроме самых темных уголков,

сыграл с измученным Волком злую шутку – он на мгновение подумал, что снова наступил вечер, взглянул на часы и увидел, что они показывают семь тридцать шесть утра.

Когда он подошел к машине, из лимузина вышел мэр, к вящему неудовольствию шофера, который теперь остался не у дел.

– Кто-нибудь объяснит мне, что происходит? – рявкнул он, с силой хлопнув дверцей.

– Господин мэр, позвольте представиться: детектив-сержант Коукс.

Волк протянул руку, и гнев мэра улетучился в одно мгновение. Он на долю секунды почувствовал неловкость, но потом обрел былое хладнокровие и горячо ее пожал.

– Рад познакомиться с вами лично, детектив, – лучезарно улыбнулся он, пытаясь исправить оплошность и будто позируя для фотографа на благотворительном мероприятии, куда, по идее, сейчас должен был направляться.

– Следуйте за мной, пожалуйста, – сказал Волк и махнул рукой вооруженному полицейскому, которому предстояло проводить их наверх.

– Секундочку, – произнес мэр. Волк убрал руку, которую перед этим подсознательно положил на талию мэра, желая немного его поторопить. – Я все же хотел бы знать что происходит. Немедленно.

Волк сделал над собой усилие, чтобы не заметить его самоуверенного тона, сжал зубы и ответил:

– Симмонс предпочитает ввести вас в курс дела лично.

Мэр, не привыкший, чтобы ему отказывали, застыл в нерешительности.

– Ну хорошо. Но я, надо сказать, весьма удивлен, что Терренс приставил вас ко мне в качестве няньки. Я слышал утром ваше выступление по радио и полагаю, что вам лучше бы заниматься делом этого серийного убийцы.

Волк прекрасно понимал, что отвечать не стоит, но хотел, чтобы мэр побыстрее поднялся наверх. К тому же он устал от его высокомерия. Он повернулся к нему и посмотрел прямо в глаза.

– Я и занимаюсь.

Мэр оказался проворнее, чем могло показаться на первый взгляд.

Если бы не хроническая астма и многолетнее разрушительное действие сигарет на легкие, они могли бы за ним и не угнаться. Оказавшись в холле, троица замедлила шаг и перешла на неторопливую рысь. Это просторное помещение, выдержанное в минималистском стиле, одним из немногих во всем здании полностью избавилось от дизайна 1960-х годов.

Комиссар наотрез отказал Симмонсу в просьбе закрыть холл и лестницу на то время, когда по ней поведут мэра: по его убеждению, вооруженная охрана, камеры видеонаблюдения, металлодетекторы и полицейские на каждом шагу превращали Нью-Скотленд-Ярд в самое безопасное во всем Лондоне место.

По сравнению с буднями в вестибюле было не так многолюдно, хотя рядом с кофе-баром посреди зала и околачивались несколько человек. Увидев, что впереди никого нет, Волк зашагал быстрее и двинулся к лестнице.

Мэр, теперь державшийся начеку, первым заметил лысеющего человека, который вбежал в здание и опрометью бросился к ним.

– Детектив!

Волк повернулся, пытаясь с ходу определить угрозу, и закрыл мэра своим телом. Сопровождавший их полицейский вскинул пистолет.

– Лежать! На пол! – закричал он неприметному человечку, державшему в руке коричневый бумажный пакет.

Тот затормозил и остановился. На его потрясенном лице отразилось неподдельное изумление. Поскольку он никак не реагировал, полицейскому приходилось каждый свой приказ повторять дважды:

- На пол! Брось пакет. На пол!

Человечек швырнул пакет и тот заскользил по полированному полу по направлению к мэру. Волк, не понимая, ведет ли он себя так преднамеренно или же просто нервничает, оттолкнул мэра еще дальше назад.

- Что в пакете? – заорал полицейский на мужика, который бросил взгляд на Волка и маячившего у него за спиной мэра. – Глаза не поднимать! Смотреть в пол! ЧТО. У ТЕБЯ. В ПАКЕТЕ?

- Завтрак! – в испуге крикнул тот.

- Почему бежал?

- Я на работу опаздываю. На целых двадцать минут. Компьютерный отдел.

Держа тренированной рукой лысеющего человечка на мушке, боец подразделения по охране правительственных и дипломатических объектов попятился назад, встал на колени и медленно-медленно заглянул внутрь пакета.

- Что-то горячее, – сказал он Волку с таким видом, будто обнаружил подозрительное устройство.

- Чем пахнет? – спросил Волк.

- Эй, чем это у тебя пахнет? – гаркнул полицейский.

- Сыром с ветчиной! – закричал с пола мужик.

- Конфисковать! – ухмыльнулся Волк.

После этого инцидентов на пути в отдел больше не было. Волк поблагодарил сопровождавшего их полицейского и подошел к ожидавшемуся их у двери Финли. Восхождение на восьмой этаж без последствий не обошлось – каждый раз, когда мэр делал вдох, из его груди вырывался громкий свист.

С запертыми ставнями и дверьми отдел казался кошмаром клаустрофоба, а яркий электрический свет – дешевой и жалкой имитацией действительности. Они быстро миновали большую комнату на глазах у сотрудников, поглядывавших на них из-за букетов и компьютерных мониторов. Увидев их, Симмонс резво выбежал из своего кабинета, ринулся навстречу и горячо пожал старому другу руку.

– Рад видеть тебя, Рэй! – сказал он и повернулся к Волку: – Происшествий внизу не было?

– Ложная тревога, – невнятно ответил тот, вгрызаясь зубами в сыр с ветчиной.

– Терренс, я был бы очень признателен, если бы ты объяснил мне, что происходит, – сказал мэр.

– Ну конечно. Пойдем, нам надо с тобой поговорить.

Симмонс ввел их в допросную комнату и запер дверь.

– Я послал к твоему дому патруль. Думаю, тебе нелишне будет знать, что Мелани и Розы в безопасности.

– Я по достоинству це...

Мэру стало трудно дышать, еще когда они шли через офис. Теперь же он стал хватать ртом воздух, захрипел и закашлялся, разбрызгивая слюну. Давно привыкнув к чувству, будто у него на груди сидит здоровенный детина, он схватил портфель и нашел спасительный ингалятор, на этот раз синий. Потом сделал пару вдохов и почувствовал явное облегчение.

– Я по достоинству ценю твою заботу. Спасибо.

Мэр выжидающе посмотрел на Симмонса. Уловив намек, тот принялся расхаживать по комнате.

– С чего бы начать? Ты, конечно же, слышал, что сегодня утром мы обнаружили шесть трупов. Но все оказалось не так просто и дело этим не ограничилось...

Следующие пятнадцать минут Симмонс в подробностях объяснял что произошло. Волк все это время хранил спокойствие. Его удивило, что босс поделился с мэром деталями, которые они ни за что не стали бы сообщать прессе, но Симмонс, очевидно, всецело доверял другу и детектив подумал, что тот заслужил на это право. Единственное, чего старший инспектор не стал открывать, даже когда мэр спросил его напрямик, это имена остальных пяти фигурантов списка.

– Не хочу, чтобы ты понапрасну беспокоился, здесь ты в полной безопасности, – заверил его Симмонс.

– И как долго, Терренс, ты собираешься меня здесь держать?

– Как минимум до полуночи. В этом случае убийца не сможет претворить свою угрозу в жизнь. Потом мы, конечно же, усилим твою охрану, но это не помешает тебе вернуться к привычному образу жизни. – Мэр покорно кивнул. – Прости, но чем быстрее мы поймаем этого ублюдка, тем быстрее ты отсюда выйдешь, – сказал Симмонс, направляясь к двери. – С тобой останется Коукс.

Мэр встал, чтобы поговорить с Симмонсом с глазу на глаз. Волк отвернулся, будто стена, уткнувшись он в нее взглядом, могла помешать ему услышать то, что говорилось в крохотном кабинетике.

– Ты уверен, что поступаешь правильно? – прохрипел мэр.

– Ну конечно. С тобой все будет в порядке.

Симмонс вышел из комнаты. Волк с мэром услышали его приглушенный голос, отдававший распоряжения полицейскому у двери. Мэр поднес ингалятор ко рту, еще два раза глубоко вдохнул и только после этого повернулся к Волку. После чего выдавил из себя улыбку – на этот раз чтобы выразить полнейший восторг от

того, что в напарники ему в этот день достался печально известный детектив.

– Ну, – сказал он, подавляя рвущийся наружу новый приступ кашля, – и что теперь?

Волк взял первую стопку бумаг, предусмотрительно оставленных для него на столе Симмонсом, откинулся в кресле и положил ноги на столешницу.

– Теперь будем ждать.

Глава 5

Суббота, 28 июня 2014 года

12 часов 10 минут дня

Время тянулось медленно, часы уходили впустую, и в затаившем дыхании офисе постепенно установилась атмосфера обиды и гнева. Самой горячей темой, которую шепотом обсуждали сотрудники, стала вопиющая несправедливость, проявившаяся в том, что такую «знаменитость», как мэра, окружили повышенной заботой и вниманием, а других, не столь известных в городе жертв, бросили на произвол судьбы. Бакстер подозревала, что этот новый эгалитаризм в устах самых шовинистически настроенных и узколобых людей, которых она когда-либо знала, обуславливался не столько желанием сделать мир чуточку справедливее, сколько стремлением возвысить себя в собственных глазах. Хотя, если честно, они говорили дело.

Сотрудники, оставшиеся при своем мнении, то и дело поглядывали на дверь, чуть ли не желая, чтобы что-нибудь произошло – просто чтобы оправдать доставленные им неудобства. И это несмотря на то, что у всех накопилось столько бумажной работы, составлявшей малоприятные девяносто процентов работы детектива, что вполне можно было и посидеть. Горстка полицейских, вернувшихся после тринадцатичасового дежурства, оттащила к стене белую демонстрационную доску, на которой Волк разместил свой жуткий коллаж. Не в

состоянии поехать домой, они выключили в комнате для совещаний свет, чтобы хоть немного отдохнуть перед следующим дежурством.

Когда к Симмонсу с просьбой выпустить его в виде исключения обратился седьмой человек, он вышел из себя и после этого допытывать его подобными вопросами больше никто не осмелился. У всех были свои серьезные причины, он прекрасно понимал, что его энергичные действия самым отрицательным, а то и непоправимым образом скажутся на расследовании других важных дел, но сделать ничего не мог. Старший инспектор сожалел, что это случилось именно с Тернблом, потому как их дружбу ему потом обязательно припомнят, хотя окажись на месте мэра любой другой фигурант списка, он принял бы точно такое же решение. Мир наблюдал за испытанием, выпавшим на долю столичной полиции. Если она проявит себя слабой, уязвимой и неспособной предотвратить убийство, зная о нем заранее, то последствия будут самыми что ни на есть разрушительными.

В виде дополнительного затруднения в его кабинете, как у себя дома, обосновалась командер, поэтому ему временно пришлось расположиться за свободным столом опытного дознавателя, детектива-инспектора Бенджамина Чемберса, улетевшего отдыхать на Карибы. Ему стало интересно: а до Бена долетели новости об убийствах? Смог бы он пролить свет на столь запутанный случай, если бы был рядом?

Бакстер все утро разыскивала хозяина квартиры, в которой был обнаружен труп. Она думала, что до этого в ней жила семья, не так давно сыгравшая свадьбу, и их новорожденный ребенок. Эмили считала, что конечности мужа и жены тоже могли использоваться при составлении трупа, и не желала надолго задумываться о судьбе незащитного маленького ребенка. Но потом с облегчением обнаружила полное отсутствие сведений о регистрации брака и поняла, что скудные сведения, предоставленные доверчивому владельцу жилья, были чистой воды ложью.

Когда она через час созвонилась с ним опять, он признал, что действительно пошел по неофициальному пути и согласился брать плату наличными в виде опускаемого в почтовый ящик конверта. Сообщил, что конверты все сохранил, что лично с нанимателем не встречался, и взмолился, чтобы детектив не сообщала никуда о его незадекларированных доходах. Уверенная в том, что налоговые органы его в любом случае рано или поздно поймают, Бакстер, не желая создавать себе лишних проблем, двинулась дальше, потратив впустую

несколько часов.

Эдмундс, пристроившись в уголке ее стола, напротив, пребывал в приподнятом настроении. С одной стороны, это было обусловлено его местом, расположенным прямо под потолочным вентилятором, постоянно обдувавшим голову струей холодного воздуха, с другой, что гораздо важнее, значительным прогрессом в прозаичном деле, порученном ему Бакстер.

Получив задание узнать, откуда тюрьма получает питание, он быстро выяснил, что в подавляющем большинстве еда готовилась на месте, но после масштабной забастовки, потрясшей рынок продуктов в две тысячи шестом году, некая компания под названием «Комплит Фудс» стала осуществлять поставки специализированных завтраков, обедов и ужинов для заключенных-мусульман. После его звонка администрация пенитенциарного заведения подтвердила, что Халид был единственным узником, которому постоянно доставляли специализированное питание без клейковины. А когда в «Комплит Фудс» признали, что в настоящий момент проводят внутреннее расследование, поводом для которого стали две жалобы тех, кто был госпитализирован с диагнозом «отравление» после приема аналогичной пищи, с трудом скрыл охвативший его восторг. Своими успехами ему очень хотелось произвести впечатление на Бакстер, явно потерпевшую поражение.

Начальник участка «Комплит Фудс» объяснил, что блюда готовят ночью, чтобы ранним утром развести их по тюрьмам, больницам и школам. Эдмундс попросил его составить список сотрудников, дежуривших в ту смену, а также подготовить записи камер видеонаблюдения к их визиту, назначив его на следующий день. Он уже снял трубку, чтобы связаться с компаниями, обратившимися с жалобами, абсолютно уверенный как в диагнозе пациентов, так и в прискорбном результате, но в этот момент его похлопали по плечу.

– Извини, парень, но босс попросил, чтобы ты сменил у двери Ходжа. Нам с ним нужно кое-что сделать, – сказал человек с мокрым от пота лицом, блаженно закрыл глаза и встал под поток холодного воздуха.

Из туманных объяснений полицейского Эдмундс сделал вывод, что на самом деле тот спасал какого-нибудь дружка от многочасового и умопомрачительно скучного дежурства у двери. Он посмотрел на Бакстер, ища у нее поддержки, но женщина лишь пренебрежительно махнула рукой. Молодой человек положил трубку и нехотя поплелся сменить полицейского, дежурившего у входа в

допросную комнату.

Эдмундс перенес вес тела с одной ноги на другую и сутуло сгорбился у двери, которую охранял вот уже пятьдесят минут. Теперь, когда нечем было занять мысли, когда приятная атмосфера приглушенных разговоров, щелканье клавиатур и жужжание ксероксов действовали на его измученный организм как колыбельная, он тут же почувствовал, что жутко хочет спать. Веки так и норовили сомкнуться. Никогда в жизни он не хотел ничего так, как закрыть сейчас глаза. Он прислонился тяжелой головой к двери и почувствовал, что погружается в сон, но в этот момент из допросной комнаты донесся голос.

- Политика - забавная игра.

Услышав резкую, но явно обдуманную реплику мэра, Волк вскинулся. Перед этим они просидели в полном молчании добрых пять часов. Детектив отложил папку с бумагами и стал ждать продолжения. Мэр сидел, глядя на свои башмаки. Когда пауза затянулась и в комнате повисло неловкое молчание, Волк подумал, что собеседник, вероятно, не понял, что произнес эти слова вслух. Он уже робко потянулся обратно за папкой, но мэр наконец решил развить свою мысль:

- Ты хочешь творить добро, но не в состоянии чего-либо сделать до тех пор, пока не окажешься у власти. Сохранять полномочия долго без голосов нельзя, а заполучить их можно, только потакая публике. Но в борьбе за эти голоса порой приходится приносить в жертву то самое добро, которое ты решил творить. Да, политика - забавная игра.

Волк понятия не имел, как можно ответить на этот специфический образчик мудрости, и поэтому малодушно решил подождать, когда мэр либо продолжит, либо замолчит.

- Давайте не будем делать вид, что я вам нравлюсь, Коукс.

- Хорошо, - ответил Волк, пожалуй, слишком быстро.

- Я понимаю - все, что вы сегодня ради меня делаете, для вас унижительно.

– Я просто делаю свою работу.

– Я тоже всегда только этим и занимался. И хочу, чтобы вы об этом знали. Общественное мнение было не на вашей стороне, и я, соответственно, вас тоже не поддерживал.

Волк почувствовал, что от фразы «не на вашей стороне» до безжалостного обвинительного приговора, до бесстыдной травли, призванной разжечь аппетиты уставшей от коррупции публики, до упорного обличения Волка в качестве символа аморальности было рукой подать. Как удобно было превратить его в мишень, на которую наконец смогли излить свой гнев добропорядочные граждане!

На волне неисчерпаемой народной поддержки в борьбе с погрязшими в проблемах городскими органами охраны правопорядка мэр разработал новаторский план создания Полиции преступлений и внутреннего надзора. Выступая перед битком набитым единомышленниками залом с той самой речью, в ходе которой был выдвинут его знаменитый слоган «Полиция должна бороться с полицией», он неоднократно призывал определить Волку максимальное наказание, предусмотренное законом.

Волк вспомнил чуть ли не комичный разворот ситуации после того, как Нагиба Халида арестовали во второй раз. Сидящий напротив него человек, привычно использовавший Волка как икону, в то время кичился своей Стратегией дифференцированного подхода в области здравоохранения, одновременно проклиная низкий уровень медицинских услуг, доступных «нашим лучшим и храбрейшим», а заодно и городу Лондону в целом.

Следуя в фарватере за харизматичным и необычно популярным общественным деятелем, сторонники мэра аплодировали и сплачивались, вовремя поддерживая все его манипуляции. Поэтому преданные голоса, те же самые, что до этого жаждали крови Волка, теперь устроили кампанию по восстановлению его в рядах полиции, а гость одной из телепрограмм даже дошел до того, что потребовал одновременно и того, и другого.

Волк не сомневался, что если бы не влияние мэра, если бы не его хорошо разрекламированный крестовый поход по восстановлению в правах «низвергнутого народного героя», он до сих пор оставался бы за решеткой. При

этом и он, и градоначальник прекрасно понимали, что детектив ему равным счетом ничего не должен.

Волк хранил гробовое молчание, опасаясь открыть рот и брякнуть что-нибудь не то.

– Должен сказать, вы поступили правильно, – высокопарно продолжал мэр, не обращая внимания на радикальную перемену в настроении Волка, – потому как порочность это одно, а отчаяние совсем другое. Я вас понимаю. Лично мне хотелось бы, чтобы тогда, в зале суда, вы убили этого свихнувшегося ублюдка. Девчушка, которую он потом сжег, была ровесницей моей дочери.

За несколько часов напряженного покоя дыхание мэра полностью пришло в норму, но продолжительный спич поставил на достигнутом прогрессе жирный крест. Он встряхнул синий ингалятор, взболтал жидкость и даже не удивился, когда ее жалкие остатки с неприятным звуком ударились об алюминиевые стенки флакона. За время пребывания в допросной комнате он израсходовал недельную норму сальбутамола[7 - Лекарственный препарат против астмы.]. Мэр спокойно принял еще одну дозу и сделал бесценный глоток смешанного с воздухом лекарства, стараясь вдыхать как можно глубже.

– Хочу, чтобы вы знали – в моем отношении к вам нет ничего личного, – сказал мэр, – я лишь делал...

– Да-да, вы лишь делали свою работу, – с горечью в голосе закончил за него Волк. – Я понимаю. Вы все только тем и занимались, что делали свою работу: журналисты, адвокаты, герой, который раздробил мне запястье и оттащил от Халида. Я понимаю.

Мэр согласно кивнул. Он не собирался доставлять Волку еще больше страданий, но испытал облегчение, когда высказал все, что было у него на уме. Несмотря на нынешнее незавидное положение, мэр почувствовал, что с плеч спал небольшой груз, который он до этого слишком долго на себе тащил. Он открыл портфель и вытащил пачку сигарет.

– Не возражаете?

Волк в изумлении уставился на мэра, из груди которого то и дело вырывался свист.

– Вы шутите?

– У каждого из нас есть свои пороки, – ответил собеседник, не считая нужным в чем-то оправдываться. Теперь, когда этот человек больше не чувствовал, что чем-то обязан Волку, его властный характер получил полную свободу действий. – Надеюсь, вы не против, особенно если хотите, чтобы я просидел с вами взаперти еще одиннадцать часов. Одну сейчас, еще одну в обед, не более того.

Волк хотел было запротестовать, но мэр вызывающе засунул сигарету в рот, чиркнул зажигалкой, сложил ладонь чашечкой и поднес огонь к лицу...

Какое-то короткое мгновение мужчины смотрели друг на друга, не понимая, что происходит. Волк увидел, что пламя побежало по сигарете градоначальника, достигло рта и тут же охватило всю нижнюю половину лица. Мэр сделал глубокий вдох, пытаясь закричать, но огонь потянулся за его дыханием, набился в нос и рот, заполнил легкие.

– На помощь! – завопил Волк и потянулся к горевшему живьем мэру. – Кто-нибудь, помогите!

Он схватил Тернбла за руки, понятия не имея, что делать. Эдмундс влетел в дверь, но так и застыл на пороге с разинутым ртом, увидев, что мэр утробно закашлялся и забрызгал левую руку Волка пенной смесью крови и жидкого пламени. Рукав детектива загорелся, он тут же ослабил хватку и выпустил мятущуюся руку мэра, которая больно ударила его по лицу. Он понимал, что если сможет подойти к градоначальнику достаточно близко для того, чтобы зажать ему нос и рот, лишенный кислорода огонь тут же погаснет.

Когда включилась пожарная тревога, Эдмундс выбежал обратно в коридор и на глазах у вскочившего на ноги отдела сорвал со стены противопожарную накидку, краем глаза увидев, что Симмонс ринулся по проходу между столами в допросную комнату. Эдмундс ворвался вслед за ним. Система пожаротушения поливала Волка и мэра водой, принося не столько пользу, сколько вред: каждый раз, когда вода попадала запаниковавшему Тернблу в рот, он выплевывал ее, а вместе с ней и огонь, распространявшийся все дальше и дальше. Впечатление

было такое, будто он в прямом смысле дышит огнем. Волк все еще пытался повалить его, но в этот момент Эдмундс поднял накидку, ринулся к ним и все трое рухнули на залитый кровью пол.

Симмонс влетел внутрь и застыл как вкопанный – в этот момент Эдмундс убрал накидку с безжизненного тела, которое еще совсем недавно было его другом. Когда он осознал, что воздух, которым он дышал, пропитан вонью обгоревшей плоти, его стошнило. Симмонс вывалился из комнаты, но вместо него тут же ввалились двое других полицейских. Один из них набросил на продолжавшую гореть руку Волка еще одну накидку, в то время как Эдмундс прикоснулся к сонной артерии на шее мэра, пытаясь нащупать пульс, и прислушался, не вырывается ли из его обожженного рта дыхание.

– Пульса нет! – завопил он, даже не зная, есть ли в комнате кто-то еще, кроме него.

Когда он рванул на себя рубашку, явно купленную на Сэвил-роу, она расплзлась у него в руках. Эдмундс стал ритмичными толчками надавливать мэру на грудь. Но каждый раз, когда он нажимал на грудину, из горла лишь текла кровь вперемешку с кусками опаленной плоти. Самые азы, которым его учили во время трехдневной практики по оказанию первой помощи: если забиты дыхательные пути, непрямой массаж сердца не поможет. Через какое-то время Эдмундс отказался от попыток и сполз на скользкий от крови пол. Потом поднял глаза на Симмонса, стоявшего сразу за дверью.

– Мне жаль, сэр.

С мокрых волос Эдмундса потоками стекала вода и струилась по лицу. Он закрыл глаза и попытался осмыслить сюрреалистичные события последних двух с половиной минут. Где-то вдали выли сирены.

Симмонс вновь вошел в комнату, посмотрел на обгоревшее тело, и его лицо приняло непонятное выражение. Затем заставил себя отвести взор от жуткой картины, которая, как он знал, теперь будет преследовать его до конца жизни, и переключил внимание на Волка, стоявшего на коленях, кривившегося от боли и сжимавшего покрытую волдырями руку. Симмонс схватил его за шкуру, рывком поставил на ноги и с силой ударил о стену, повергнув всех присутствующих в шок.

– Тебя поставили его охранять! – орал Симмонс, в глазах которого стояли слезы, и без конца бил Волка об стену. – Ты не должен был спускать с него глаз!

Эдмундс вскочил на ноги и, пока остальные приходили в себя, схватил начальника за руку. Следуя его примеру, двое других полицейских, возникших в дверном проеме, а вместе с ними и Бакстер, оттащили Симмонса от Волка и вытолкали из комнаты. А потом закрыли за собой дверь, чтобы оградить место преступления, оставив Волка наедине с гротескным трупом.

Билл сполз по стене и скрючился в углу на полу. Не в состоянии оправиться от потрясения, он откинул голову, ощутил затылком камень, и в замешательстве уставился на свои израненные пальцы. Его окружали десятки крохотных масляных огоньков, все еще горевших на поверхности запекшейся крови, подобно японским фонарикам на реке, сопровождающим заблудшие души в загробный мир. Все так же упираясь затылком в стену, он смотрел, как огоньки мигают под хлещущими без усталости холодными струями воды и смывают грязь с его окровавленных рук.

Глава 6

Суббота, 28 июня 2014 года,

4 часа 23 минуты дня

Андреа вышла из такси, оказалась в тени Херон Тауэра, третьего по высоте лондонского небоскреба, и подняла глаза на самые верхние его этажи, затмевавшие собой солнце. Шаткая, долговязая мачта на крыше этой далекой от всякой гармонии конструкции нелепо рвалась ввысь, отчаянно претендуя на VIP-статус в ущерб эстетике и, судя по внешнему виду, структурному единству.

Более подходящей штаб-квартиры для отдела новостей найти было нельзя.

Женщина вошла в огромный холл и машинально направилась к эскалаторам, даже не подумав сесть в один из шести прозрачных лифтов, которые с

угрожающей скоростью возносили нетерпеливых бизнесменов к их офисам. Медленно поднимаясь над полом, она залюбовалась огромным аквариумом, занимавшим целую стену вестибюля, и поглядела на безупречных сотрудников, которым, по крайней мере внешне, не было никакого дела до семидесяти тысяч литров морской воды в бухте из толстого слоя акрила.

Глядя на пестрые цветки кораллов и мирных рыбок, снующих туда-сюда в благословенно теплой воде, Андреа думала о своем новом увлечении – дайвинге. И чуть было не споткнулась, когда движущаяся лента эскалатора вырвала ее из задумчивости и бесцеремонно вытолкала на неподвижный пол.

О том, что вскоре следует ждать преступления, ей сообщили по телефону в три часа ночи. Встретившись, наконец, с Волком и передав ему зловещий конверт, обнаруженный в почтовом ящике, она вместе с оператором провела еще четыре часа у здания Нью-Скотленд-Ярда, каждые тридцать минут обеспечивая обязательные прямые включения. В итоге ей пришлось без конца пережевывать одну и ту же информацию, выдавая ее в эфир, но порадовать зрителей сообщением о том, что на мостовой перед закрытыми дверями штаб-квартиры лондонской полиции наблюдается повышенная активность или происходят какие-то захватывающие события, она так и не смогла.

После одиннадцатичасовых новостей ей позвонил главный редактор Элайджа Рид, велел ехать домой и пару часов отдохнуть, но она категорически отказалась. У нее не было никакого желания лишать себя возможности освещать события, обещавшие стать самым сенсационным в ее жизни репортажем после преступлений Киллера-Крематора (тем более что сама она уже была в курсе мрачного содержания конверта, а с боссом этим открытием ей только предстояло поделиться). Наконец он ее все же убедил, сказав, что при малейших признаках активности сразу же ей позвонит.

Она устроила себе приятную получасовую прогулку под солнцем – мимо окруженных лужайками роскошных особняков, дальше вдоль Белгрейв-сквер-Гарден, а потом через Найтсбридж к большому четырехэтажному дому в викторианском стиле, где она жила вместе со своим женихом и его девятилетней дочерью. Андреа закрыла бронированную входную дверь и поднялась на последний этаж в спальню, обставленную просто, но со вкусом.

Она задернула шторы и, не раздеваясь, улеглась в полутьме прямо на покрывало. Потом протянула руку к сумке, вытащила телефон и включила

будильник. Затем достала папку с фотокопиями снимков, переданных Волку, прижала ее к груди и закрыла глаза, остро ощутив, насколько важны они для полиции, для обреченных фигурантов списка – и для нее самой.

Потом она, не в состоянии уснуть, больше полутора часов лежала на кровати, созерцая высокий потолок и лепные украшения, окружавшие антикварную люстру, а заодно обдумывая моральные и правовые последствия, которые наступят после того, как она поделится имевшимися у нее уликами с Элайджей. Она ни на секунду не сомневалась, что Рид бесстыдно выставит все двенадцать фотографий на всеобщее обозрение. Тактичная ремарка, что «некоторым зрителям снимки могут показаться шокирующими», лишь подогреет нездоровый интерес публики. Андреа мрачно подумала, будут ли в этот момент смотреть телевизор родственники жертв, чувствуя, что смутно знакомые фрагменты тел их одновременно очаровывают и отталкивают.

В то утро десятки журналистов стояли бок о бок в тех же самых декорациях, давно набивших оскомину, чтобы сообщить одну и ту же информацию, отчаянно конкурируя за внимание избалованной зрительской публики. Тот факт, что преступник вступил с Андреа в контакт, давал ее каналу преимущество перед Би-Би-Си и Скай-Ньюз, которые наверняка покажут фотографии уже через несколько минут после того, как он выпустит их в эфир. Но женщина точно знала, что нужно для того, чтобы каждый телевизор в этой стране показывал только ее и больше никого:

1. Бросить наживку. Андреа сообщит, что новоявленный городской серийный убийца вышел с ней на связь.
2. Подлить масла в огонь. Канал по очереди покажет каждую фотографию, в деталях описывая, что на ней изображено, и делая самые дикие предположения, чтобы стимулировать воображение, столь подверженное влиянию извне. Вполне возможно, в студию пригласят какого-нибудь бывшего полицейского, частного сыщика, а может даже писателя, работающего в детективном жанре, чтобы тот поделился со зрителями своим мнением касательно этих откровений.
3. Пообещать. Андреа расскажет, что в полученный ею пакет был вложен написанный от руки подробный список с именами следующих шести жертв киллера и точных дат, когда они умрут. «Мы обнаружим его через пять

минут», – пообещает она (период времени, достаточный для того, чтобы ее фраза облетела всю планету, но слишком маленький, чтобы полиция вмешалась и прервала вещание).

4. Выложить информацию. Когда весь мир с замиранием сердца будет смотреть на нее, она перечислит имена и даты, каждый раз делая драматичные паузы – точно так же, как ведущий песенных телеконкурсов при объявлении финалистов.

Она подумала, каким будет резонанс. Андреа ненавидела себя за эти мысли. Вероятность того, что полиция ничего еще не сказала фигурантам списка, была весьма и весьма высока, хотя они, несомненно, заслуживали узнать об этом чуть раньше, чем все остальные. Кроме того, ее, по всей видимости, арестуют, хотя в прошлом подобные мелочи Элайджу никогда не останавливали. За то недолгое время, что он пробыл на посту главного редактора, Андреа не раз видела, как он рушил человеческие жизни вбросом различных догадок и деталей проводимых расследований, полученных сомнительным путем, и дважды привлекался к ответственности – за утаивание улики и попытку подкупа полицейского.

Немного подремав, женщина села в постели, почти не отдохнув, зато определившись с дальнейшими действиями. Да, она воспользуется фотографиями: это создаст серьезные проблемы, но карьерные преимущества с лихвой возместят все неудобства. А вот обнародовать список не станет. Это будет правильно. Андреа испытала в душе гордость за то, что нашла в себе силы противостоять растущему стремлению стать такой же безжалостной и беспощадной, как и ее начальник.

Она шла по коридору в редакцию. Даже на этой умеренной высоте Андреа инстинктивно прижималась к стене, напрочь игнорируя вид, открывавшийся на крыши домов Кэмомайл-стрит. Перешагнув порог офиса, она, как обычно, поразились неустанной суете, царившей здесь двадцать четыре часа в сутки. В этом хаосе Элайджа чувствовал себя как рыба в воде: перекрикивались сотрудники, вразнобой звонили телефоны, свисавшие с потолка плазменные экраны безмолвно, с титрами вместо звука, транслировали новости. Женщина знала, что через несколько минут привыкнет и окружающая ее агрессивная атмосфера превратится лишь в фоновый шум.

Редакция располагалась на десятом и одиннадцатом этажах. Чтобы создать просторное пространство с потолками двойной высоты, межэтажные перекрытия между ними убрали. Проработав не один год на региональных каналах, Андреа считала декор слишком пышным и дорогим, он казался ей чуть ли не пародией на редакцию. Лично ей требовались лишь стол, компьютер и телефон.

Новый главный редактор вторгся на канал с одной откровенной американской новостной программы, весьма противоречивым образом вскрывавшей язвы коррупции, которая цвела буйным цветом в ряде всемирно известных компаний. Он принес с собой целый ворох высокомерных, презрительных американизмов, упражнений по укреплению корпоративного духа и стимулов для морального роста и теперь с нарастающей силой навязывал их своим хронически сдержанным английским сотрудникам.

Андреа уселась на эргономический стул ядовито-желтого цвета (научные исследования установили, что яркие цвета положительно влияют на эффективность работы) напротив автомата по продаже мороженого «Бен и Джерри» и сразу проверила почту на наличие новых сообщений от убийцы. Затем вытащила из сумки папку и собралась уже подняться в кабинет Элайджи, но в этот момент сотрудники вдруг повскакивали из-за столов и бросились к самому большому телеэкрану.

Женщина увидела, что Рид тоже вышел из кабинета и встал на балкончике, сложив руки на груди. Он опустил глаза вниз, увидел Андреа и вновь безучастно перевел взгляд на экран. Не имея малейшего понятия о том, что происходит, она тоже поднялась со своего места и вклинилась в толпу, которая становилась все больше и больше.

– Включите! – воскликнул чей-то голос.

На экране вдруг появился знакомый логотип Нью-Скотленд-Ярда, и Андреа сразу же узнала картинку фирменного мягкорисующего зум-объектива ее оператора Роури, наведенного на прекрасную белокурую журналистку в слишком коротком для данного случая летнем платье. В передних рядах кто-то восхищенно присвистнул. Изобель Платт работала на канале лишь четвертый месяц. Когда ее приняли на работу, Андреа посчитала оскорблением для профессии журналиста назначать на подобную должность безголовую, красивую искусственной косметической красотой двадцатилетнюю девицу, основываясь

единственно на ее способности читать вслух текст, и поэтому восприняла происходящее как выпад лично против нее и ее карьеры.

Изобель весело сообщила, что официальный представитель полиции вот-вот сделает «чрез... вы... чайное» сообщение. Огромную часть экрана занимала ложбинка между ее грудей, и Андреа даже подумала, что Роури вообще мог бы не заморачиваться, стараясь удерживать ее голову в кадре. Из глаз женщины брызнули слезы, она инстинктивно почувствовала, что Элайджа смотрит на нее, наблюдая за ее реакцией, и сосредоточила все свое внимание на мониторе, запрещая себе повернуться и выйти из комнаты, чтобы не доставить ему удовольствия.

Она уже не впервые недооценила бессердечие главного редактора. Его мотивация не была для нее секретом: в борьбе за рейтинг при освещении событий, обещавших стать сенсацией года, он, в виде дополнительной затравки, решил поставить перед объективом камеры фотомодель. И если бы Изобель под занавес репортажа появилась перед зрителями топлес, Андреа это ничуть не удивило бы.

Услышав потрясающую новость о преждевременной кончине мэра Тернбла во время проводимого в штаб-квартире полиции совещания, посвященного обновлению стратегии деятельности, коллеги Андреа пришли в изумление – женщины раскрыли рты, мужчины, соответственно, выругались. Но ее сознание на эти сведения почти не отреагировало – мозг был занят постепенным превращением жалости к себе в ярость. Она не допустит, чтобы ее спокойно отстранили от этой сенсации, в которой ей отводилась одна из главных ролей. Женщина отвернулась от телевизора, не собираясь попусту тратить время и слушать то, что думает грудь Изобель о шокирующей пресс-конференции, ринулась к своему рабочему месту, взяла со стола папку и поднялась по лестнице к Элайдже. Тот, явно ожидая чего-то подобного, с безразличным видом вернулся в кабинет, оставив дверь приоткрытой.

Элайджа орал и изрыгал проклятия без малого пять минут. Он был в ярости от того, что Андреа целый день утаивала от него столь взрывоопасную информацию. Пять раз сказал, что она уволена, трижды обозвал дрянью и сухой и буквально вытолкнул взащей свою помощницу, когда та пришла посмотреть, все ли у них в порядке.

Андреа спокойно ждала, когда он выдохнется. Его реакция, вполне предсказуемая, казалась ей почти такой же забавной, как и невнятный нью-йоркский акцент, к которому, по мере того, как он распалялся, прибавлялось все больше тягучих южных ноток. Элайджа был человек самодовольный. Дважды в день, по дороге на работу и обратно, он ходил в фитнес-клуб, а рубашки, чтобы подчеркнуть весь масштаб своей одержимости, всегда носил на размер меньше. Хотя ему было уже за сорок, в волосах его не было даже намека на седину – напротив, его шевелюра неестественного пшеничного цвета была аккуратно зализана на черепе назад. Некоторые женщины в офисе считали его душераздирающе привлекательным, чуть ли не воплощением альфа-самца, но Андреа находила начальника лишь комично-отвратительным. Чтобы он перестал доказывать свое превосходство, ей пришлось подождать еще минуту.

– Эти фотографии отвратного качества, – зашипел он, скрывая возбуждение, охватившее его, когда она выложила их перед ним на столе.

– Да, так оно и есть, – спокойно ответила Андреа. – Но эти снимки предназначены для вас, у меня на флешке есть более качественные версии.

– И где эта флешка? – тут же спросил он. Когда Андреа не ответила, он поднял на нее глаза и сказал: – Хорошая девочка, быстро учишься.

Хотя тон слов был унизительно-покровительственный, Андреа, услышав скупой комплимент, помимо своей воли испытала в душе гордость. Их шансы на победу в этой игре выровнялись – теперь они превратились в двух акул, кружащих вокруг одного куска мяса.

– У полиции есть оригиналы? – спросил он.

– Да, есть.

– У Волка?

Элайджа уже давно питал нездоровый интерес к ее разводу с печально известным детективом. По ту сторону Атлантики скандал вокруг Киллера-Крематора стал информационной бомбой.

– В таком случае нас нельзя обвинить в сокрытии улик, да? Передай снимки ребятам из отдела компьютерной графики. Насчет увольнения забудь.

Элайджа застал Андреа врасплох. Он, конечно же, понял, что она стремилась не просто сохранить должность, но и добиться исключительного права на освещение сенсации. Главный редактор, должно быть, расшифровал возникшее на ее лице выражение – его ухмылка стала злой.

– Не надо делать вид, что тебя надули. Ты свое дело сделала и на том все. Изобель уже на месте. И репортаж будет делать она.

Андреа почувствовала в глазах знакомое пощипывание. Стараясь скрыть слезы, она отчаянно пыталась придумать ответный ход:

– Тогда я...

– Что ты? – засмеялся он. – Уйдешь? Отнесешь фотографии куда-то еще? Бьюсь об заклад, что флешка, о которой ты говорила, является собственностью компании. И если я заподозрю, что ты пытаешься покинуть стены офиса, что-нибудь прикарманив, то прикажу охране тебя обыскать.

Андреа представила себе маленький черный прямоугольник, втиснувшийся между картой постоянного клиента сети «Старбакс» и удостоверением профессионального инструктора по дайвингу. Флешку найдут за пару секунд. Но в этот момент до женщины вдруг дошло, что у нее еще остался последний козырь.

– Кроме фотографий есть еще список, – ляпнула она, так и не успев толком собраться с мыслями. – В нем приведены следующие жертвы киллера.

– Чушь собачья.

Андреа вытащила из кармана мятую ксерокопию и аккуратно сложила ее так, чтобы можно было увидеть только первую строку:

Мэр Реймонд Эдгар Тернбл – суббота, двадцать восьмое июня

Элайджа скосил глаза на черно-белый лист, отпечатанный на принтере, который Андреа держала так, чтобы шеф не мог к нему дотянуться. Перед этим он видел, как она отошла от телевизора, вернулась к своему столу и сразу же направилась прямо к нему. Сфальсифицировать бумагу у нее попросту не было возможности.

– Под первой строкой еще пять имен и дат. И клянусь, если вы попытаетесь отнять у меня список, я сожру его у вас на глазах.

Чувствуя, что она говорит убийственно серьезно, Рид откинулся в кресле, и лицо его озарилось счастливой улыбкой, будто они перед этим затеяли жаркий поединок в какую-нибудь настольную игру, и теперь наконец пришли к какому-то результату.

– Что ты хочешь?

– Мне нужны исключительные права на освещение этих событий.

– Считаю, ты их получила.

– Пусть Изобель и дальше топчется попусту у здания Нью-Скотленд-Ярда. Я передам свой репортаж из студии.

– Но ты же ведь специализируешься на репортажах с места событий?

– Роберту и Мэри скажете, что вечером они нам не понадобятся. Это шоу будет всецело моим.

Главного редактора на мгновение охватили сомнения.

– Ладно, уговорила. Что еще?

– Заприте все двери и никому не открывайте. Пока я не закончу, меня не должны арестовать.

Глава 7

Суббота, 28 июня 2014 года

5 часов 58 минут дня

Волк в одиночестве сидел в кабинете Симмонса. Глядя на многочисленные свежие вмятины на старом металлическом сейфе и вдавленные в ковер куски штукатурки, первые свидетели скорби старшего инспектора, он чувствовал себя так, будто вторгся на чужую территорию. Детектив ждал, ощущая в душе смущение и поглаживая влажную повязку на левой руке.

Бакстер, вернувшись в допросную комнату после того, как оттуда увели Симмонса, нашла Волка скрючившимся рядом с безжизненным телом мэра в бушующих струях рукотворного дождя. Он невидящим взглядом смотрел перед собой и едва замечал ее присутствие. Таким ранимым и потерянным Эмили еще не видела его никогда. Она мягко помогла ему подняться на ноги, вместе с ним вышла в сухой коридор и тут же ощутила устремленные на них взгляды коллег, которые с тревогой на лицах назойливо и внимательно следили за каждым их шагом.

– Отойдите, бога ради, – грозно зашипела она.

Пока они с Волком тащились через весь офис к дверям дамского туалета, женщина практически несла его на себе. Ценой немалых усилий ей удалось прислонить его к столику между двумя умывальниками и придать вертикальное положение. Она бережно расстегнула испачканную рубашку и медленно ее стянула, аккуратно отдирая расплавленную ткань от сочащейся сукровицей, покрытой волдырями раны на предплечье. Комната наполнилась запахом дешевого дезодоранта, пота и обгоревшей человеческой плоти, и Бакстер самым нелепым образом разволновалась, что кто-то сейчас войдет в туалетную комнату и застигнет ее за занятием, в котором не было ровным счетом ничего плохого.

– Сиди тихо, – сказала она ему, сняв, где было можно, обрывки одежды. После чего пошла в офис, а несколько минут спустя вернулась с аптечкой первой

помощи и полотенцем, которым тут же обмотала мокрые волосы Волка. Неловким движением Бакстер разорвала пакет, приложила пластырь к ожогам и туго забинтовала израненную руку, буквально превратив ее в мумию.

Несколько мгновений спустя в дверь постучали. Вошел Эдмундс и без особого энтузиазма протянул свою рубашку – ему, против своей воли, пришлось признать, что под ней еще есть футболка. Парень хоть и был высокий, но телосложением больше напоминал сухопарого школьника, поэтому его сорочка едва прикрыла собой гору мышц Волка, но Бакстер решила, что это все же лучше, чем ничего. Застегнув большую часть пуговиц, она спокойно уселась рядом, решив терпеливо ждать столько, сколько понадобится другу, чтобы прийти в себя.

Оставшуюся часть дня Волк провел в тихом углу за составлением подробного рапорта по поводу всего, что случилось в запертой комнате, начисто проигнорировав неоднократно повторенный многими совет отправиться домой, по пути обязательно заглянув в травмпункт. Без десяти шесть он направился в кабинет Симмонса и, не без опаски, стал дожидаться старшего инспектора, которого не видел с того момента, когда тот несколько часов назад обрушил на него свой гнев.

В голове роились смутные воспоминания о Бакстер и туалетной комнате, но все это казалось каким-то далеким и нереальным. Испытывая в душе некоторое смущение от того, что утром ему не захотелось делать гимнастику (как и вообще в последние четыре года), он пожал плечами и представил, как она смотрела на его неухоженное, слегка расплывшееся тело.

Он услышал, что Симмонс за его спиной вошел в кабинет и закрыл за собой дверь. Босс уселся в кресло напротив, извлек на свет божий бутылку ирландского виски «Джеймсон», лед и вытащил из сумки с эмблемой сети супермаркетов «Теско» несколько пластиковых стаканчиков для пикника. После того как он сначала сообщил страшную новость вдове мэра Тернбла, а потом еще и провел пресс-конференцию, у него немного опухли глаза, в них застыла усталость. Он высыпал в два стаканчика несколько кубиков льда, щедро плеснул в них виски и, не говоря ни слова, пододвинул один из них Волку. Они молча сделали по приличному глотку.

– Насколько я помню, это твой любимый сорт, – наконец нарушил молчание Симмонс.

– У тебя отличная память.

– Как голова? – спросил Симмонс с таким видом, будто не имел к легкой контузии Волка никакого отношения.

– Лучше, чем рука, – весело ответил тот, искренне не ведая, смогли бы ее спасти врачи, если бы Бакстер не наложила повязку.

– Я могу говорить с тобой откровенно? – спросил Симмонс и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Мы оба прекрасно знаем, что если бы ты тогда не натворил дел, то сейчас сидел бы вместо меня в этом кресле. Потому что как детектив всегда был лучше. – На лице Волка застыло бесстрастное, вежливое выражение. – Вполне возможно, – продолжал Симмонс, – что ты принимал бы более разумные решения, чем я, и Рэй, не исключено, до сих пор был бы жив...

Симмонс взял паузу и сделал еще один глоток виски.

– Откуда нам было знать? – отозвался Волк.

– Что? Что в ингаляторе окажется легковоспламеняющееся вещество? Что те груды цветов, которые вот уже неделю стоят в офисе, обильно посыпаны пылью амброзии полыннолистной?

Направляясь в кабинет начальника, Волк видел груды пластиковых пакетов для хранения вещественных доказательств.

– Чем-чем посыпаны?

– Чем-то вроде криптонита[8 - Криптонит – вымышленное кристаллическое радиоактивное вещество, придуманное авторами сериала «Тайны Смолвилля». В данном контексте означает «слабое место», «ахиллесову пяту».] для астматиков. И притащил их сюда не кто иной, как я.

Совершенно позабыв, что у него в руке лишь пластиковый стаканчик, Симмонс в бешенстве швырнул его в стену. Но тот упал на стол, лениво подпрыгнул, и уже мгновение спустя Симмонс вновь плеснул в него виски.

– Давай обсудим все до возвращения командера, – сказал Симмонс. – Что будем с тобой делать?

– А почему со мной надо что-то делать?

– Во время этой встречи я скажу, что над тобой нависла угроза судебного разбирательства, и посоветую, в наших общих интересах, написать рапорт об отстранении от дела... – Волк собрался было запротестовать, но Симмонс продолжил: – ...ты пошлешь меня куда подальше, а я напому тебе о том, что случилось с Халидом. Ты пошлешь меня еще раз, и тогда я неохотно позволю тебе остаться, но при этом добавлю, что если я, наши коллеги или твой психиатр забудут тревогу, ты будешь уволен. Такой вот интересный у нас будет разговор.

Волк согласно кивнул. Он знал, что ради него Симмонс руку даст на отсечение.

– Семь трупов, а из орудий убийства на сегодняшний день лишь ингалятор, цветы да рыба, – недоверчиво покачал головой старший инспектор. – Поневоле вспомнишь старые добрые дни, когда люди имели достоинство просто подойти к негодю и убить его выстрелом в упор.

– Как не помнить... За те славные деньки! – сказал Волк, поднимая свой пластиковый стаканчик «Оптимус Прайм».

– За те славные деньки! – эхом повторил за ним Симмонс и чокнулся.

В кармане Волка завибрировал телефон. Он вытащил его и увидел смс от Андреа.

Детектив вдруг ощутил в груди смутную тревогу. Он прекрасно понимал, что бывшая супруга извиняется отнюдь не за неуместный рисунок мужского члена, который ей, вероятно, хотелось выдать за символ сердца. Волк уже собрался было ответить, но в этот момент в комнату вихрем ворвалась Бакстер, подлетела к небольшому телевизору на стене и включила его. Симмонс слишком

устал, чтобы выказывать на ее поведение хоть какую-то реакцию.

– Сейчас эта сука, твоя бывшая, выступит с сообщением, – сказала она.

Андреа появилась на экране, беспардонно прервав репортаж с места событий. Глядя на нее вот так, объективно и беспристрастно, Волк вдруг понял, что раньше принимал ее красоту как нечто само собой разумеющееся – длинные рыжие волосы, заколотые будто на свадьбу или торжественный прием, и сияющие зеленые глаза, казавшиеся совершенно нереальными. Причина ее поведения тут же стала ясна. Нет, она не вела репортаж, стоя на обочине автомагистрали, и не читала текст за кадром, как заправская чревоушательница, на фоне своей реюющей на экране старой фотографии и дергающейся линии графического представления звука. Трансляция программы велась из студии – в точности как она всегда и хотела.

– ...что смерть мэра Тернбла, по сути, является заранее спланированным убийством, имеющим самое непосредственное отношение к шести телам, найденным сегодня ранним утром в Кентиш-таун, – произнесла она, ничем не выражая волнения, которое, как знал Волк, испытывала в душе. – Некоторым зрителям фотографии, которые мы сейчас продемонстрируем, могут показаться...

– Коукс, звони жене! Быстро! – проревел Симмонс.

– Бывшей жене, – поправила его Бакстер, и они все втроем принялись лихорадочно набирать на клавиатурах своих телефонов номера.

– Мне нужен телефон студии...

– Два наряда к дому сто десять по Бишопсгейт...

– Абонент, с которым вы пытаетесь связаться, недоступен...

Андреа на заднем плане продолжала говорить:

– ...подтвердили, что преступник воспользовался головой Нагиба Халида, Киллера-Крематора. На данный момент мы не располагаем информацией о том,

как Халид, находившийся на лечении в...

– Я попытаюсь связаться со службой безопасности здания! – крикнул Волк, оставив Андреа коротенькое, всего в три слова, голосовое сообщение – «Срочно мне позвони!»

– ...по всей видимости, были расчленены, а потом отдельные части их тел сшили вместе, чтобы в итоге получить составной труп, – прокомментировала Андреа чередующиеся на экране жуткие фотографии, – который полиция назвала «Тряпичной куклой».

– Какие же мы идиоты! – заорал Симмонс после телефонного разговора с оперативным штабом.

Андреа продолжала, хотя ни один из троих ее больше не слушал:

– ...еще пять имен и точные даты их смерти. Об этом мы расскажем через пять минут. Я Андреа Холл. Не переключайтесь.

– Неужели она и в самом деле на это пойдет? – недоверчиво спросил Симмонс Волка, не снимая руки с трубки телефона.

А когда тот не ответил, каждый из троицы возобновил свои напряженные переговоры.

Пять минут спустя Волк, Симмонс и Бакстер сидели и смотрели, как в новостной студии медленно загорается свет. Ощущение было такое, будто Андреа все это время молча сидела в темноте. За их спинами, вокруг телевизора, который кто-то притащил из совещательной комнаты, столпились коллеги.

Все их усилия оказались напрасными.

На сообщение Волка, Андреа конечно же, не ответила. Охрана здания воздвигла у входа в студию баррикаду, поэтому попасть внутрь посланный Симмонсом наряд полиции не смог. Сам он наконец дозвонился до главного редактора, имя которого было ему хорошо известно, пожалуй, даже слишком хорошо. Он

сообщил этому несносному типу, что тот ставит палки в колеса полицейским, занимающимся расследованием убийства, за что ему грозит тюремный срок. Когда же это не возымело действия, Симмонс попытался воззвать к человеколюбию, сказав, что полиция еще не ставила фигурантов списка в известность о том, что над ними нависла угроза.

- Ну что же, мы проделаем эту работу за вас, - ответил Элайджа, - а вы говорите, что я для вас ничего не делаю.

Он так и не дал поговорить им с Андреа, быстро закруглился и повесил трубку. Все, что оставалось теперь делать полицейским, это смотреть телевизор - вместе с остальным миром. Симмонс налил три новые порции виски. Бакстер, сидевшая на столе, с сомнением понюхала свой стакан, с безразличным видом залпом его выпила, собралась уже было попросить показать ей список - потому как через несколько минут тот все равно станет достоянием гласности, но в этот момент студия возобновила вещание.

Сигнал к началу эфира Андреа пропустила, Волк видел, что она охвачена тревогой, пребывает в нерешительности и терзается сомнениями. Он знал, что под столом, выдержанном в минималистском стиле, бывшая жена отбивает ногами такт - как всегда, когда нервничает. Женщина посмотрела в камеру, будто пытаясь поймать взгляды миллионов невидимых зрителей, и Волк вдруг почувствовал, что она ищет его, словно пытаясь найти выход из тупика, в который сама себя же и загнала.

- Андреа, мы в эфире, - донесся из наушника раздраженный голос, - Андреа!

- Добрый вечер, я Андреа Холл. Добро пожаловать, мы возобновляем нашу передачу...

В течение пяти минут она вкратце рассказывала о том, как развивались события до настоящего времени, без конца показывая страшные фотографии бесчисленным зрителям, которые только-только присоединились к аудитории. Дойдя до прилагавшегося к фотографиям рукописного списка, женщина стала запинаться, а когда стала читать имена тех, кому убийца вынес смертный приговор, у нее затряслись руки:

- Мэр Рэймонд Эдгар Тернбл - суббота, 28 июня

Виджей Рэна – среда, 2 июля

Джерред Эндрю Гэрланд – суббота, 5 июля

Эндрю Артур Форд – среда, 9 июля

Эшли Дэниэль Локлен – суббота, 12 июля

И в понедельник, 14 июля...

Андреа сделала паузу, но не ради театрального эффекта (весь список она прочла без излишнего драматизма, а лишь стараясь как можно быстрее дойти до конца), а чтобы вытереть покотившуюся по щеке черную от туши слезу.

Она прочистила горло, пошелестела лежавшими на столе бумагами, неубедительно намекая, что плавное течение ее речи нарушила опечатка или какой-нибудь недостающий документ. И вдруг закрыла руками лицо, а ее плечи вздрогнули так, будто она наконец поняла, что сделала, и осознание этого всей своей тяжестью обрушилось на нее.

– Андреа? Андреа? – прошептал из-за камеры чей-то голос.

Женщина опять посмотрела в объектив на свою аудиторию, явно побившую все рекорды, и ощутила величие момента. На ее лице и рукавах остались черные следы, в сложившейся ситуации казавшиеся неуместными.

– Я в порядке.

Пауза.

– ...и в понедельник, четырнадцатого июля, офицер столичной полиции, возглавляющий расследование по делу Тряпичной куклы... Детектив-сержант Вильям Оливер Лейтон-Коукс.

Глава 8

Понедельник, 30 июня 2014 года

9 часов 35 минут утра

- Плохо.

- Плохо?

- И тоскливо.

- Тоскливо.

Доктор Престон-Холл тяжело вздохнула и положила блокнот на антикварный кофейный столик, стоявший рядом с ее креслом.

- На ваших глазах умирает человек, которого вам поручили охранять, преступник, совершивший это злодеяние, заявляет о своем намерении через две недели вас убить, но мне по этому поводу вы лишь можете сказать, что вам «плохо» и «тоскливо», да?

- Может, я сошел с ума? - предпринял новую попытку Волк, надеясь, что поступает правильно.

Доктора его слова, похоже, заинтересовали. Она вновь взяла в руки блокнот и склонилась ближе к пациенту.

- Злоба присутствует?

Волк на мгновение задумался.

- Нет, по правде говоря, нет.

Доктор бросила блокнот, тот соскользнул с крохотного столика и шлепнулся на пол.

По всей видимости, если кто-то и сошел с ума, то это она.

После восстановления в рядах полиции Волк бывал в этом таунхаусе с оштукатуренным фасадом, выстроенном в георгианском стиле на улице Куин Эннз Гейт, каждый понедельник. Доктор Престон-Холл была штатным психиатром, консультирующим сотрудников лондонской полиции. Ее скромный кабинет, единственной рекламой которому служила латунная табличка у входной двери, располагался в тихом квартале буквально в двух шагах ходьбы от Нью-Скотленд-Ярда.

Доктор была так же элегантна, как и окружающая обстановка. Ей было чуть за пятьдесят, возраст ее ничуть не портил, с убеленными сединой, тщательно причесанными волосами и в неброской одежде от ведущих мировых дизайнеров она выглядела восхитительно. Держалась она строго и властно, обладая характером школьной учительницы, который настолько глубоко въедается в душу еще в юности, если не в детстве, что избавиться от него в зрелом возрасте уже невозможно.

– Скажите, вам по-прежнему снятся сны, где вы оказываетесь в больнице? – спросила она.

– Вы называете это больницей, хотя я предпочитаю другой термин – сумасшедший дом. – Доктор вздохнула.

– Только когда я сплю, – ответил Волк.

– То есть?

– Когда у меня нет возможности с ними бороться. Да и потом, я не стал бы называть их снами, это скорее кошмары.

– А я не желаю называть их кошмарами, – возразила доктор Престон-Холл. – В снах нет ровным счетом ничего страшного. Вы просто проецируете на них свои страхи.

– При всем моем безмерном уважении замечу, что вам легко так говорить, ведь вы не провели в этом аду, весьма специфическом, тринадцать месяцев и один день.

Доктор отказалась обсуждать эту тему дальше, чувствуя, что в противном случае все оставшееся время сеанса Волк, вместо того, чтобы делиться своими личными переживаниями, будет с ней спорить. Она разрешила запечатанный конверт, который детектив принес с собой, и внимательно прочла еженедельный доклад Финли. Судя по выражению ее лица, она, как и Волк, считала это бесполезной тратой времени, чернил и древесины.

– Сержант Шоу, похоже, очень доволен тем, как вы справились со стрессом последних нескольких дней. Он дал вам десять баллов из десяти. Один лишь бог знает, на чем основана его система оценок, но... для вас это неплохо, – бросила она.

В открытое настежь окно Волк невидящим взглядом смотрел на огромные дома, выстроившиеся в ряд на противоположной стороне Куин Эннз Гейт. Каждый из них содержался в идеальном порядке, а то и вовсе был отреставрирован в полном соответствии с оригиналом и теперь блистал во всей своей былой красе. Если бы не отдаленный шум беспорядочного города, готовящегося к очередной безжалостной неделе, детектив вполне мог бы оказаться в плену иллюзии и подумать, что они перенеслись в прошлое. Хотя утро за окном подбиралось к двадцативосьмиградусной отметке, в утопающую в тени комнату врвался легкий бриз.

– Пока будет длиться разбирательство, я предлагаю вам приходить ко мне два раза в неделю, – сказала доктор Престон-Холл, продолжая читать подробный рапорт Финли, который тот нацарапал своим безобразным почерком под диктовку Волка.

Детектив встал, сознательно стараясь не сжимать руки в кулаки на глазах у психиатра.

– Я по достоинству ценю вашу заботу, – не очень искренне ответил он, – но для этого у меня совершенно нет времени – мне нужно ловить убийцу.

– Вот именно! Вы сказали «мне»! В этом и заключается наша с вами проблема. Вы считаете это вашим сугубо личным делом. Вы и раньше себя так вели, правда? За поиск этого типа отвечаете не только вы. У вас есть коллеги, вам помогают, оказывают поддержку...

– Но меня это касается больше других.

– А у меня есть профессиональные обязанности, – возразила она.

У Волка появилось стойкое ощущение, что если он и дальше будет с ней препираться, она станет настаивать на трех днях в неделю.

– Значит, договорились, – подвела итог она, листая ежедневник, – в среду утром вам подойдет?

– В среду я буду делать все от меня зависящее, чтобы предотвратить убийство мужчины по имени Виджей Рэна.

– Может, тогда в четверг?

– Хорошо.

– В девять утра?

– Договорились.

Доктор Престон-Холл подписала какие-то бумаги и мило улыбнулась. Волк встал и направился к двери.

– Да, Вильям...

Волк обернулся и посмотрел на нее.

– ...берегите себя.

Симмонс настоял, чтобы в воскресенье, после суровых испытаний субботы, Волк взял выходной. Детектив подозревал, что начальник попросту решил прикрыть собственную задницу и заставить его сходить к психиатру перед тем, как возвращаться к выполнению возложенных на него обязанностей. Волк остановился у «Теско Экспресс» и купил достаточно еды, чтобы отсидеться дома все выходные, справедливо полагая, что у подъезда дома его будет с нетерпением караулить стая журналистов. К счастью, ему удалось избежать встречи с ними, пройдя через полицейский кордон, который оставался на посту и не собирався уходить, пока эксперты не закончат работать.

Этот выходной, совершенно ему не нужный, детектив потратил на то, чтобы разобрать некоторые свои вещи, которые Андреа прислала пару месяцев назад. Они, казалось, занимали чуть ли не полквартиры, и он не без оснований опасался, не зачихнула ли она автомобиль в одну из коробок, выстроившихся в ряд вдоль стены.

Семнадцать ее звонков, поступивших в субботу вечером и в воскресенье, он проигнорировал. Зато ответил, когда с ним связалась мать, которая была не на шутку взволнована первые сто двадцать секунд, но потом перешла к более животрепещущему вопросу о повалившемся заборе с соседкой Этель, посвятив ему последующие сорок минут разговора. Волк пообещал в одно из воскресений июля выбраться в Баг и все починить. То, что ему, возможно, не придется этого делать, потому как через две недели его могут убить, служило детективу некоторым утешением.

* * *

Когда Волк переступил порог отдела по раскрытию убийств и других тяжких преступлений, его встретил грохот работающей дрели. Бригада тщательно проверенных рабочих приступила к ремонту залитой водой допросной комнаты. Шагая по офису, он заметил, что на его появление коллеги реагировали двояко. Многие ободряюще ему улыбались, какой-то парень, с которым он даже не был знаком, предложил принести детективу кофе, а другой (совершенно не причастный к расследованию) доверительно прошептал: «Мы их поймаем». Но были и такие, кто видел в нем живого покойника и старательно избегал, опасаясь, как бы ядовитая рыба, лекарственный препарат или растение, которыми убийца воспользуется, чтобы разделаться с ним, не прихватили на тот свет и их самих.

– Ну наконец-то! – воскликнула Бакстер, когда он подошел к столу, который она делила с Эдмундсом. – Устроил себе приятный во всех отношениях выходной, а мы тут делаем за тебя всю работу, да?

Волк шутку проигнорировал. Он лучше других знал, что враждебность была коньком Бакстер, к которому она прибегала в трудных ситуациях: в беде хамила, в состоянии замешательства демонстрировала к окружающим показную неприязнь, а если чувствовала себя сбитой с толку, впадала в агрессию. После памятного субботнего репортажа она затихла, что было для нее отнюдь не характерно, и даже не попыталась выйти с Волком на связь, хотя и была единственным человеком, с которым он не отказался бы поговорить. Женщина вела себя так, будто никогда не слышала об убийственном списке, и он был рад отнестись к ее колкости снисходительно.

– Оказывается, от этого маленького убудка, – она махнула рукой на сидевшего рядом Эдмундса, – иногда все же может быть какая-то польза.

Бакстер поделилась с Волком последними новостями. От поисков преступника через амброзию полыннолистную решили отказаться – эксперт выступил с потрясающим известием, что это растение можно вырастить в любой теплице страны. То же самое с цветами: букеты приобретались у торговцев по всему Лондону, а платили за них каждый раз наличными по почте.

По инициативе Эдмундса накануне они съездили в компанию «Комплит Фудс», и теперь в их распоряжении имелся исчерпывающий список сотрудников, дежуривших в ночь накануне отравления Нагиба Халида. Но что более важно, они просмотрели записи камер видеонаблюдения и обнаружили на них неизвестного, который ранним утром входил в здание. Эдмундс гордо протянул Волку флешку с видеофайлом. Вихры у него на голове были растрепаны и отчаянно нуждались в расческе.

– Во всей этой истории есть одна вещь, которая мне совсем не нравится, – произнес он.

– Может хватит, а? – жалобно запротестовала Бакстер.

– Я выяснил, что отравленные блюда были отправлены и другим адресатам. Еще три человека приняли тетродоксин, и двое из них на данный момент уже

мертвы.

- А третий? - озабоченно спросил Волк.

- Обречен.

- Нам крупно повезло, что студентка Академии Святой Марии, причисляющая себя к субкультуре готов, была в отъезде, в противном случае у нас был бы еще один труп, - сказала Бакстер.

- Совершенно верно, - продолжал Эдмундс, - тут что-то не так: киллер присылает нам список из шести жертв, но при этом убивает еще троих...

- Двух с половиной, - перебила его Бакстер.

- ...совершенно случайных людей и даже не берет на себя ответственность за их смерть. Серийные убийцы так себя не ведут. Здесь что-то другое.

Волк, на которого эти слова, по-видимому, произвели впечатление, повернулся к Бакстер:

- Теперь я понимаю, почему он тебе так нравится.

Эдмундс явно воодушевился.

- Да не нравится он мне.

Улыбка на лице парня тут же померкла.

- Когда она стажировалась, я полгода не разрешал ей садиться со мной за один стол, - сказал Волк Эдмундсу.

- Хватит трепаться! - перебила его Бакстер.

- По поводу ингалятора ничего не выяснили? - спросил Волк.

– Баллон запаяли вручную, никакого лекарства в нем не было, лишь химическое вещество с совершенно непроизносимым названием, – ответила Эмили. – Мы попытались его отследить, но, на нашу беду, его можно состряпать в любой школьной химической лаборатории. Так что не дергайся и дыши глубже... надеюсь, ты простишь мне этот неуместный в данной ситуации каламбур.

– Чтобы подменить ингаляторы, – перебил ее Эдмундс, – киллер должен был находиться где-то рядом. Сделать это он мог утром. Почему тогда не убил мэра сразу? Из этого можно сделать только один вывод: он не столько руководствуется местью, сколько стремится к театральным эффектам.

– Логично, – кивнул Волк.

Он немного поколебался, прежде чем заговорить на запретную тему, которой все они до этого тщательно избегали.

– Как насчет остальных фигурантов списка?

Бакстер напряглась:

– А нам какое дело? Мы работаем над идентификацией уже готовых покойников, те, кому только предстоит таковыми стать, нас не должны волновать. – Она осеклась, осознав, с кем говорит. – Тебя искал Финли.

Волк встал, собираясь уйти, но задержался.

– От Чемберса известий нет? – небрежно бросил он.

Бакстер окинула его подозрительным взглядом.

– А тебе-то что?

Волк пожал плечами:

– Просто интересно, знает ли он о том, что у нас происходит. У меня такое ощущение, что для расследования этого дела нам придется мобилизовать все силы.

Утомившись от множества глаз, глядевших ему в спину, Волк прошел в комнату для совещаний, где чья-то рука аккуратным почерком вывела над его огромным коллажем слова «Тряпичная кукла». Не имея малейшего понятия, как воспроизвести на телевизоре запись камеры видеонаблюдения с маленькой глупой флешки, он раздражался все больше и больше.

– Там сбоку есть гнездо, – сказал вошедший в комнату Финли, который лучше разбирался в технике, хотя и был старше него на целых пятнадцать лет, – хотя нет, внизу... Слушай, дай я сам.

Финли вынул флешку из вентиляционного отверстия на задней стенке телевизора и вставил в разъем. На экране появилось голубого цвета меню, содержащее один-единственный файл.

– В мое отсутствие что-нибудь интересное было? – спросил Волк.

– Мы послали людей взять под опеку Гэрланда, Форда и Локлен. Наша зона ответственности распространяется только на тех, кто живет в Лондоне.

– Если он бросил мне вызов, то вряд ли станет убивать кого-нибудь на другом конце страны.

– Ну да. Другие занимаются полными тезками фигурантов списка, но это уже не наша забота, – сказал Финли. – Про Виджея Рэну ты и без меня знаешь. Он жил в Вулвиче и работал бухгалтером, но пять месяцев назад испарился после того, как налоговый инспектор уличил его в жульничестве с отчетностью. Его собирались привлечь за мошенничество, но руки до этого, похоже, так и не дошли. Как бы там ни было, информацию на него я запросил.

Волк посмотрел на часы:

– До среды осталось тридцать восемь часов. Будем надеяться, что мы доберемся до него первыми, тем более, что это в его же интересах. Как насчет остальных?

– Гэрланд – журналист, так что врагов у него предостаточно. Что касается Эшли Локлен, но нам удалось найти двоих; одна из них работает официанткой, а

второй всего девять лет от роду.

– Но полицейских, насколько я понимаю, приставили и к той, и к другой? – спросил Волк.

– Разумеется. Форд, похоже, охранник, по крайней мере был им, пока не уволился якобы по болезни.

– И как они все между собой связаны?

– Пока не знаю. На данный момент нашим первейшим приоритетом было найти их и выставить у их домов охрану.

Волк на мгновение погрузился в размышления.

– О чем задумался, старина?

– Да так... интересно, кому это Виджей Рэна так насолил своей двойной бухгалтерией? К тому же... если его кто-то ищет, то натравить на него нас – ход очень и очень умный.

Финли согласно кивнул:

– И если мы поднимем его с лежбища, в котором он залег, будет только хуже.

– Пожалуй.

Волк рассеянно стал просматривать кипу бумаг, которую ему принес Финли. На верхней странице красовалось фото женщины среднего возраста в вызывающем белье.

– Это еще что такое?

Финли усмехнулся.

– Твои фанатки! Называют себя Волчьей стаей. Ты теперь знаменитость, у тебя толпа свихнутых поклонниц, так и норовящих затащить тебя в постель.

Волк бегло просмотрел первые несколько страниц, недоверчиво качая головой. Финли тем временем отобрал еще три десятка листов, а остальные небрежно швырнул на пол совещательной комнаты.

– Какой милый штришок! – воскликнул он. – На этой красотке настоящая винтажная майка, выпущенная в рамках кампании «Освободите Волка». У меня тоже такая осталась. Только не надо на нее так смотреть, – тихо добавил он.

Волк подумал, что должен был предвидеть это заранее. В прошлом ему всегда становилось мерзко и противно, когда отвратительных, опасных преступников, за которыми он охотился, в первые же дни после вынесения им приговора о пожизненном заключении забрасывали письмами. Таких безголовых «подруг по переписке» можно описать без труда, это ничуть не сложнее, чем определить специфические черты характера при составлении психологического портрета убийцы. Как правило, это одинокие социопатки, зачастую долго подвергавшиеся насилию в семье и руководствующиеся мнимой уверенностью в том, что их никому не сломить и кроме них ни одна живая душа не сможет искоренить несправедливость, жертвой которой стали никем не понятые узники правовой системы.

Детектив знал, что эта странная забава получила распространение в Соединенных Штатах, где различные общественные организации активно призывают сограждан переписываться с тремя тысячами заключенных, ожидающих приведения в исполнение смертного приговора. Но в чем заключается привлекательность такого общения? Получить удовольствие, когда связь с другим человеком оборвется в трагической, киношной манере? Выполнить долг перед ближним своим, считая что такую возможность тебе дают сжатые временные рамки? Или просто стать частью чего-то более значительного и интересного, чем твоя собственная постылая жизнь?

Он был достаточно мудр и осмотрителен, чтобы не выражать свои взгляды открыто, а из страха пойти на поводу у политкорректности и впасть от этого в гнев всегда с негодованием воспринимал любые противоречивые истины и высказывания. Но вот что касается экзальтированных дамочек, то они никоим образом не сталкивались с результатами деяний преступников, с которыми переписывались. Это Волку приходилось смотреть в глаза злобным, порочным

хищникам, не знаящим ни жалости, ни угрызений совести. Он нередко задавался вопросом: а сколько таких людей, явно не владеющих информацией, стали бы водить ручкой по бумаге, если бы им пришлось замарать ботинки в крови на месте преступления и обратиться со словами утешения к убитым горем родственникам жертв, повергнутым в траур стараниями «друзей», которым они усердно строчили послания?

– Ух ты, взгляни вот на эту! – воскликнул Финли.

Его слова прозвучали настолько восторженно, что несколько человек в офисе тут же повернули к ним головы.

Он протянул фотографию красивой блондинки лет двадцати, выряженной в маскарадный мундир полицейского. Волк, не в состоянии произнести ни звука, замер, глядя на фотографию, которая смотрелась бы куда уместнее на обложке какого-нибудь журнала для мужчин.

– Выбрось в корзину, – наконец произнес он, полагая, что ему с лихвой хватит и одной страдающей нарциссизмом социопатки.

– Так... юная мисс... из Брайтона... – читал Финли присланное по электронной почте письмо.

– В корзину, я тебе сказал! – заорал Волк. – Как мне посмотреть эту чертову запись?

Финли неохотно выбросил распечатки в корзину, взял пульт дистанционного управления и нажал кнопку.

– Если тебя через две недели убьют, ты будешь жалеть, что заставил меня это сделать, – проворчал он.

Волк пропустил его замечание мимо ушей и сосредоточил все внимание на большом телеэкране. Зернистая, скверного качества запись была сделана камерой, подвешенной высоко над площадкой компании «Комплит Фудс». Широкая двойная дверь была распахнута, чтобы она не закрывалась, ее подперли коробкой. На заднем плане разворачивалась унылая, монотонная

картина, живописавшая низкооплачиваемый персонал, который совершал механические движения, грозившие вскоре обернуться нарушением функций конечностей вследствие постоянной физической нагрузки.

Внезапно в дверном проеме выросла фигура. Наверняка мужчина. По оценкам Эдмундса, измерившего высоту двери после просмотра записи, его рост составлял чуть больше шести футов. На нем был грязный фартук и перчатки, а на голове – сетка для волос. Он хоть и пришел с улицы, лицо его, как и у других рабочих, прикрывала маска. Шагал незнакомец уверенно и задержался лишь на мгновение, решая, в какую сторону идти. Потом на две минуты исчез из поля зрения за грудой готовых к отгрузке коробок. После чего вернулся обратно, прошел через ту же дверь и, никем не замеченный, растворился в ночи.

– Ну вот, лишь зря потратили время, – вздохнул Финли.

Волк попросил его отмотать обратно, и они остановились на лучшем кадре киллера, который только могла обеспечить сделанная с чрезвычайно низким разрешением запись. Детективы вгляделись в прикрытое маской лицо. Хотя техники впоследствии и вылижут файл, ничего нового это все равно не даст. Под маской для волос незнакомец, по всей видимости, был лыс или как минимум наголо обрит. Единственной отчетливо различимой деталью был фартук, забрызганный веществом, похожим на запекающуюся кровь.

Добраться до Нагиба Халида было практически невозможно, из чего следовало, что убийство спланировали самым тщательным образом. Поначалу Волк по ошибке предположил, что киллер расправился с ним до того, как занялся жертвами попроще, но теперь вопрос стоял по-другому: кто из пяти других пострадавших был расчленен на первом этапе и, главное, почему?

Глава 9

Понедельник, 30 июня 2014 года

6 часов 15 минут вечера

Эдмундс рассматривал на просвет два крохотных флакончика. На одном красовалась надпись «Розовый перламутр», на втором «Шервуд». Даже после трех минут внимательного, дотошного изучения два эти лака для ногтей казались ему совершенно идентичными.

Он стоял в проходе отдела по продаже косметики, больше похожего на лабиринт и занимавшего почти все пространство первого этажа универмага «Селфриджиз». Разбросанные в хаотичном порядке стеллажи и витрины напоминали собой архипелаг в океане, передовой рубеж защиты, принимающий на себя всю мощь ударной волны покупателей, врывавшихся с Оксфорд-стрит и затем просачивавшихся дальше в магазин. Мимо него то и дело проходили посетители с одинаковыми растерянными лицами людей, потерявших в толпе своих спутников и теперь бесцельно бродивших среди прилавков с карандашами для подводения глаз, губными помадами и гелями-люминайзерами для волос, купить которые у них не было ни малейшего намерения.

– Вам помочь? – спросила безупречно покрашенная блондинка, с ног до головы одетая во все черное, обильный макияж которой не мог скрыть насмешливую ухмылку, появившуюся на ее лице, когда она увидела непокорные вихры и пурпурные ногти молодого детектива.

– Я возьму оба, – радостно сказал он и протянул девушке флаконы, нечаянно испачкав пурпурным перламутром ее руку.

Та угодливо улыбнулась и засемила на другой конец своей крохотной империи упаковывать для Эдмундса невероятную покупку.

– Я люблю «Шервуд», – произнесла она, – но «Розовый перламутр» просто обожаю.

Эдмундс глянул вниз на два совершенно неразличимых флакона, покоившихся на дне глубокой картонной коробки, которую она ему вручила, и убедился, что положил чек в бумажник, в надежде потребовать возмещения расходов – если этого не сделать, он потратит на блестящий лак для ногтей половину суммы, отложенной на питание.

– Подсказать что-то еще? – спросила девушка, после совершения покупки вновь напуская на себя ледяную холодность.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Хоули Харви Криппен (1862–1910) – американский врач, ставший фигурантом одного из самых громких убийств в криминалистике XX века. Первый преступник, задержанный благодаря радиосвязи.

2

Питер Сатклифф (род. в 1946) – британский серийный убийца, за пять лет лишивший жизни 13 проституток.

3

Деннис Нильсен (род. в 1945) – британский серийный убийца, на счету которого 15 жертв.

4

Коммандер – специфическое звание, существующее исключительно в столичной полиции, и больше нигде в Великобритании. Следует сразу за старшим инспектором.

5

Зодиак – серийный убийца, действовавший на территории Северной Калифорнии и Сан-Франциско в США в 1960-х годах. Личность преступника до сих пор не установлена. По его словам, он убил 37 человек, хотя следователи уверены лишь в семи случаях. Зодиак – псевдоним, использованный убийцей в серии язвительных писем в редакции местных газет.

6

Кит Хантер Джесперсон (род. в 1955 г.) – серийный убийца, действовавший на территории США в начале 1990-х годов. Свое прозвище получил благодаря смайликам, которыми были испещрены его многочисленные послания прокурорам и СМИ. По собственному заявлению убил 160 человек, хотя официальное подтверждение получили лишь восемь случаев.

7

Лекарственный препарат против астмы.

8

Криптонит – вымышленное кристаллическое радиоактивное вещество, придуманное авторами сериала «Тайны Смолвилля». В данном контексте означает «слабое место», «ахиллесову пяту».

Купить: https://tn.knigapoisk.com/koul_deniel/tryapichnaya-kukla

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)